

ЕЛЕНА ШАХОВА

Где зоны и лагеря

Елена Шахова

Где зоны и лагеря

«Издательские решения»

Шахова Е.

Где зоны и лагеря / Е. Шахова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901416-0

Распад государства многих поставил перед сложным и трудным жизненным выбором. Не оказалась исключением и Яна. Полный крах всех надежд и планов: отсутствие работы, развод с мужем ввергли Яну в пучину депрессии. Яне нужен тайм-аут. И она решает уехать на неделю в гости к маме. Чтобы там, «где зоны и лагеря», провести неделю ни о чём не думая. Но то, что Яна проживёт неделю как школьница после девятого класса, — она не предполагала.

ISBN 978-5-44-901416-0

© Шахова Е.

© Издательские решения

Содержание

Не хочу вспоминать	6
Приезд зятя	9
Девятый класс	16
Келья	18
Девятый класс	22
Встреча	33
Верь мне	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Где зоны и лагеря

Елена Шахова

Фотограф Елена Шахова

© Елена Шахова, 2017

© Елена Шахова, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-1416-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.**

Сергей Есенин

Не хочу вспоминать

Никого!!!

Яна стащила на перрон последнюю сумку, огляделась и обречённо вздохнула. Ухватившись за ручки пакетом, чемодана и сумки, торопливо сделала несколько шагов – рук и сил явно не хватало. Чёрт! Для кого же она давала телеграмму!

Тоскливо оглядела быстро пустеющую платформу: даже весёлые студенты, последними выгрузившиеся из вагона, мелькали разноцветными нарядами далеко впереди. Яна безнадёжно взглянула на свежеекрашенный зелёный забор, и потащила волоком привезённое добро. Маленькая, испуганно озирающаяся женщина, неожиданно охнула и, всплеснув руками, засеменила к Яне.

– Кошка серая меня встречает! Вот это да! – сделав над собой усилие, бодро выдавила приветствие Яна, и крепко обняла растерявшуюся мать.

– Худющая-то какая, – качала головой родительница, – у нас Ирка и то толще тебя, – щупая её, как мясо на рынке, запричитала Анна Ивановна.

– Да ты что! На мне несколько кыгы излишков – надеюсь у тебя оставить. Но за комплимент – мерси. Иришка с меня? – пыталась представить себе повзрослевшую сестрёнку Яна.

– Да, пожалуй, нисколько не ниже, но справнее, – критически оглядывала дочь обрадованная мать. Родительница, на случай опоздания поезда, купила на обратный путь билеты с «запасом», и они не спешили: отнесут сумки шага на три и разговаривают минут пять.

Яна, не переставая оглядывать привокзальное пространство Йошкар-Олы, в восхищении одобрительно щёлкнула языком. Со времени её последнего визита в столицу автономной республики железнодорожный вокзал не претерпел изменений, а вот провинциальная автобусная превратилась в приличный вместительный, городской автовокзал.

– Может, зайдём, посидим, – предложила мать.

– Нет-нет! – энергично крутила головой Яна. – Хоть воздухом подышу. Которая наша?

– А, во-он остановка-то. Третья наша. Видишь, «Царёвск» написано. Зачем ты хоть столько-то везёшь? – теребила в руках полосатый платочек мать.

– Давай здесь оставим, – звонко рассмеялась Яна.

Мать кротко посмотрела на неё взглядом затравленного зверька и вымученно улыбнулась.

– А чего ж Петрович-то не приехал меня встречать? Я никак не ожидала тебя увидеть, – тараторила Яна, пытаясь в зародыше подавить неожиданный приступ жалости, и всё чаще смотрела поверх ядрёно окрашенной хной, и не закрасившей седину, головы матери.

Автобусы подъезжали, наполнялись пассажирами, и уезжали по маршруту. Солнце, скрупулёзно высвечивая в воздухе августовскую пыль, щедро радовало долгожданным теплом; громкоговоритель удивлял забытым местным говором; народ, толкаясь, хаотично передвигался с рюкзаками и сумками; мать что-то рассказывала, а Яна улыбалась, удивляясь чудесному перемещению из столицы России в далёкое Нечерноземье. Она не могла поверить, что всё это происходит с ней здесь и сейчас. Нереальность происходящего называлась – незапланированный отпуск.

– Да он за грибами с утра ездил – устал. Ирка же ещё хуже меня автобус переносит, – махнула незагорелой рукой мать. Яна удивленно приподняла треугольные, как у матери, брови и, сглотнув очередной острый кусок жалости, сочувственно покачала головой. Лёгкий шок от встречи прошел, и Яна горела нетерпением увидеть пыльные улицы Царёвска.

– А что, грибов много?

– Ой, – обрадовано рассмеялась нейтральной теме мать, – хватит. Травкин иногда по две корзины привозит. Если рано, часа в четыре выедет, но даже поздно, всё равно одну привезёт. Насушили...

С первых дней совместной жизни Анна Ивановна обращалась к своему сожителю по фамилии; то ли подчёркивала фиктивную независимость, то ли просто фамилия мужа нравилась.

«Пассажиры с билетами на 11—30, пройдите на десятую площадку, – обрадовал пронзительный голос над головами. – Повторяю: пассажиры с билетами...»

– Это мы? – искала глазами номер площадки Яна.

– Где билеты? – взволнованно схватила за ручки дорожной сумки мать. – А! вот.

Оглядывая полупустой салон комфортабельного автобуса, Яна скорчила уморительную гримаску.

– Ма, а где же чудный «Пазик», на котором я привыкла путешествовать? А злобные ревизоры? А бабки с мешками? Народу-то как мало...

– Кому хоть ездить-то?

– А в выходные?!

– А в выходные автобус шесть раз в день ходит. Я не сяду, а ты располагайся...

– Ещё чего! Стоять два часа! Я тебе окно открою...

– Дочь! – повеселела Анна Ивановна. – Через два часа мы и пообедать успеем, автобус через час у ресторана остановится.

– Прогресс!

– И поговорить бы, да я в окно буду смотреть – отвернусь, – страдальчески прошептала мать.

– Смотреть тебе надо вперёд, а окно приоткроем, чтоб чуток обдувало. Так хорошо? – обняла Яна мать. – Хочешь, Расскажи о Светке. Как она там?

Мать непритворно тяжело вздохнула и промолчала, отводя взгляд, прижимая ко рту обильно смоченный в нашатыре платочек. «Пардон, мадам», – хмыкнула Яна, переводя взгляд за окно автобуса. Пыльные, непонятного цвета заборы столичной окраины, раскидистые яблони, последний светофор на выезде из города, железнодорожный переезд – всё знакомо. Яна с жадностью цепко всматривалась в мелькавший за окном пейзаж, сравнивая сегодняшний день с хранившимися где-то в памяти воспоминаниями пятилетней давности.

«Шлагбаум. Ну, вот и кончилась Марийская республика, сейчас родная губерния обрадует колдобинами и комарами. Может, и хорошо, что в семидесятые не проложили железную дорогу до Царёвска, хотя, вероятно, это были слухи. Плохо жить на границе области, а на границе государств вообще жуть... Что-то мы разогнались? Ба! Да мы по асфальту едем! Интересно, до Берёзовки трасса или как всегда – пешком?»

Монотонность дороги располагала к дремоте, но Яна была слишком взволнована и расстроена, чтобы спать.

Приезд зятя

Истерика с мужем случилась на вокзале. Муж в бешенстве матерился как последний алкаш, махал руками, и нападал с обвинениями на водителя автобуса. Яна, как и другие пассажиры на остановке, молчала, шокированная поведением мужа. Удалось им уехать только на 14-часовом автобусе, а поезд прибывал на станция в пять утра. Уставшие, недовольные, злые друг на друга и на весь белый свет, Яна с мужем впихнулись в автобус и, измученные, мечтали поскорее доехать до Царёвска. Автобус бодро выехал из города, пару раз остановился, высадив на остановке часть пассажиров, и через несколько километров, к всеобщему разочарованию – застрял. В лесу. Глубокие колеи лишали манёвренности пассажирский транспорт. Водитель обернулся к пассажирам:

– Выходите. Придётся пешком пройти. Пока не выеду.

Выгрузились. Вместе с багажом. Кругом лес. Тихо. Чавкала под ногами грязь. Было стыдно за поведение мужа, горько от отсутствия хороших дорог, и грустно от нахлынувших школьных воспоминаний периода застоя о поездках за продуктами.

Пройдя более километра пешком, пассажиры уже не замечали грязи и надоедливых комаров. Кто-то увидел гриб, кто-то вспомнил прошлый год, кто-то рассказывал анекдоты.

Яна, стиснув зубы, тащила сумку, муж – другую. Ни слова не проронили.

Автобус выбрался из колеи и подобрал всех пассажиров.

– Ещё будем выходить? – интересовался упитанный дядька, тот, что безостановочно рассказывал весёлые истории на ходу.

– А уж как повезёт! – в тон ему отозвался шофёр, – с утра свезло, только раз высаживал...

От той, первой поездки к родственникам, и сейчас боль в сердце и стыд. Яна посмотрела на мать: Анна Ивановна клевала носом. Яна подставила плечо и горестно улыбнулась, воскрешая скрытые от собственного сознания обиды: «Ты бы видела, как я собиралась! Всё упаковала, но вдруг вспомнила о новом купальнике... Ой, мам, это ж комедия целая, как я его впихивала в этот баул. Плавать хочется аж до истерики. Я решила, что буду купаться при любой погоде. Кошка, видно, «заразилась» от меня чемоданным настроением и носилась за мной электро-веником. Вымотались обе! Плюхнулась я на диван перед телевизором, а Мурка, как обычно, улеглась на плечах.

В последнее время часто происходят изменения в программе, поэтому я просто переключая каналы, вдруг что-нибудь необычно интересненькое попадётся. Решила оставить московскую – всё равно времени мало. Корреспондент брал интервью в ресторане. Я мысленно перебирала содержимое сумок – не забыла ли чего? – и не вслушивалась в разговор. Неожиданно до сознания дошли слова: «...наши женщины замучены бытом и думают, что раз вышла замуж – всё! Надо терпеть, тянуть лямку...»

Я была потрясена. Это был простой ответ на мои мучительные раздумья. «Нет, не надо терпеть! Надо искать свою половину – она есть! Надо верить в это! Пробуйте, ищите и будьте счастливы!» Как гром среди ясного неба. Я мирилась, терпела и упорно верила, что выйду замуж один раз и на всю жизнь. Мой супруг твёрдо убеждён в том, что счастливы на этой планете только идиоты. Мама, работа и футбол – три кита, три святыни в жизни. И у положительного, работающего мужчины со здоровыми инстинктами не может быть женой идиотка. Жена должна уметь стирать, вкусно готовить, желательнее как мама, встречать мужа с работы в хорошем расположении духа, дом содержать в чистоте, исправно исполнять свои супружеские обязанности и любить свекровь. Что-то сломалось во мне при выполнении этой программы, что-то оборвалось...

Я начала сравнивать себя с этой лучезарной женщиной и разревелась. Ты знаешь, мам, как будто я целую жизнь копила эти слёзы – река. И не могу остановиться – солёные горошины сами катятся. Смешно? Я слушаю и плачу. «Вы понимаете – я каждый день жду его с работы как в первый раз. Я не знаю, какое платье надеть, что приготовить...» Нет, это уже слишком! Наверное, года три живут – не больше. И тут корреспондент спрашивает: «А сколько же лет вы женаты?» А она, скромно опустив глаза, отвечает: «Мы женаты с Сашей уже 20 лет». Это был удар! Я даже реветь перестала и впиалась глазами в экран. Я рассматривала её, как букашку ребёнка, но увидела только одно – счастье! Она излучала ровное, спокойное тепло. Я не скажу тебе, сколько ей лет, – это было невозможно понять. И вот пришёл её муж, такой же светящийся. Мама, я видела счастливых людей!

«Стерпится – слюбится»! Не получилось! Я оставила работу ради его благополучия, я свекровь называю мамой, я пыль ежедневно вытираю, я...

О чём только я не передумала, умываясь слезами. Отчего же ты не остановила меня, мама?! Ведь мне было всего девятнадцать. Мам, а ты сама когда-нибудь была счастлива?» Но вслух свой монолог Яна не произнесла. Как не обмолвилась и о разводе. Мать же приписала слезы в глазах дочери радости возвращения в родной дом.

– Как себя чувствует твоя свекровь? – пыталась нащупать верный тон в разговоре со старшей дочерью Анна Ивановна.

– Пока не болеет. С её характером любая царапина – трагедия, так что бережём маменьку.

Яна представить себе не могла – как муж расскажет о разводе свекрови. Маменькин сын поступит просто – промолчит. До поры.

– А вот лучше бы вы вдвоём приехали... – по-прежнему не отнимала от лица платок мать.

– Смерти моей хочешь, – беззлобно огрызнулась Яна. – Напиться твой зять сможет и без вас. Могу я раз в пять лет одна съездить?! Тем паче к тебе, – обнимая мать, подавила нарастающее раздражение Яна, – ты вперёд смотри.

«Так, ЯНА! Никаких воспоминаний, розовых сюсюканий и сентиментальных ахов – охов. Всё! Абсолютно всё! Выкинуть из головы все намёки на воспоминания! Только река, лес и сон. Я в отпуске и ни о чём не думаю. Никаких размышлений и воспоминаний. Я живу здесь и сейчас!» – строго прикрикнула на себя Яна, намереваясь твёрдо придерживаться придуманной аффирмации.

– Да ничего – не тошнит, щас уж Алексеиха будет, – страдальчески пропищала мать.

Яна перевела взгляд на добротные избы, просматривающиеся за лесопосадкой. Взбужденная, она и не заметила знакомое село.

– Ну, вот и Алексееиха, – довольная благоприятным исходом поездки кивнула мать, – всего 8 километров и мы дома.

Яна ахнула и взглянула на часы. Потрясающе! Они ехали около сорока минут. Вот что значит – хорошая дорога в Нечерноземье! Потянулись огороды последнего перед Царёвском села. Сверкнула маковкой новая церковь.

– Ма! Отреставрировали, что ли?! – не узнавала полуразрушенный храм Яна.

– Давно уж, – степенно отозвалась мать. – И служба идёт, и у нас скоро ремонт закончат...

– Где это ещё – у нас?! – оторопела дочь.

– Да возле бани. Ну-уу, напротив старого детского сада, в который ты ходила... это... там где горсад...

– А-а, – неуверенно протянула Яна, – а где ж там церковь была? – не могла припомнить «опиумное» заведение Яна.

– Бывшая гаражная мастерская...

– Господи! Так бы сразу и сказала. Школа! Речка! Плотик! Нырнуть бы... – радостно потирала руки Яна, вглядываясь в быстро приближающиеся строения.

– Да подожди, тырта – недолго.

Автобус мягко качнулся, съезжая с моста, и затормозил у ресторана. Выгрузив сумки, Яна подала руку матери, суетливо оглядываясь по сторонам.

– Хоть бы встретила сестрёночка, – нахмурилась Яна.

– И не жди – дрыхнет на диване, – морщилась побледневшая мать, – постоим немного, а то я тебе не помощница.

– Ты стой здесь. Я отнесу сумку и вернусь, – Яна приподняла огромный баул.

– Нет! – испуганно вздрогнула мать. – Я с тобой. Пойдём поманеньку-то, – она попыталась приподнять дочерин чемодан.

– Ма, тебя штормит. Возьмись за вторую ручку, а эту отдай мне, – широким шагом устремилась по улице Яна.

Какими неприятно крохотными и бедными выглядели частные дома, пыльные тротуары, деревья. Яна вздохнула: «Это после Москвы всё лилипутское – привыкну».

– Ох, дочь, не торопись, – семенила рядом «серая кошка».

Дочери в шутку так иногда подтрунивали над матерью, поскольку последняя вставляла своё любимое выражение часто не к месту и без повода.

– Извини. Увлелась. Яблоня-то как разрослась, – наклонила голову Яна, входя в прохладную темноту подъезда.

– И яблоки падают на крышу, а оттуда скатываются прямо на голову, – по-детски наивно улыбалась Анна Ивановна, подняв руку ладонью вверх, как будто яблоки уже катились с крыши.

В робком жесте, в жалкой улыбке Яне вновь почудилась обречённость существования матери, и сердце вновь кольнула щемящая жалость. Чтоб не расплакаться Яна опередила Анну Ивановну и взлетела на второй этаж по ступенькам старого дома.

Распахнув дверь квартиры, Яна была оглушена дикими воплями выросшей сестрёнки. Иришка повисла на Яне, как обезьяна на пальме. «Ой, роднуля моя приехала! Как я по тебе соскучилась! Нам вдвоём будет хорошо. Ой, как хоть доехала-то? А-аа, какая ж ты худая!».

Детская девчоночья радость, что так недолга по времени, выплёскивалась поцелуями и ахами – вздохами.

Из маленького, соплистого «лягушонка» младшая сестра превратилась в чудесную, очаровательную девушку. Высокая, стройная, с бледной аристократической кожей и огромными голубыми глазами из-под иссиня – чёрной чёлки, Иришка была очаровательна.

– Дай же тебя рассмотреть, – Яна отбивалась от Иришкиных попыток приподнять её. – Бог мой! Какая ты сильная! А выросла-то как. Послушай, дорогая, а почему ты такая бледная? Последний месяц лета и ни тени загара – полнейшее безобразие!

– Так лета-то, считай, и не было. Вот сегодня с утра солнце, так и счастье, – разъяснила суetyающаяся на крохотной кухне Анна Ивановна.

– Ничего, я собираюсь купаться при любой погоде. Главное, чтоб река не пересохла.

Трезвый в молчании отчим разразился гомерическим хохотом.

– Да ты что! Столько дождей было, что даже река из берегов вышла, никто не купается – вода-то мутная, – перевела на русский неадекватную реакцию отца Ирка.

– Это вы заелись, господа. Хорошей погоды ждёте. Мне ждать некогда, поэтому я пошла.

Мать, прижимая к груди тарелку, в ужасе округлила глаза.

– Сейчас?! Хоть отдохни с дороги-то. Небось, голодная... у меня уж и грибы готовы.

– Ладно, ладно – успею. Надо сумки разобрать. Mam, я тебе на осень тёплый жакет привезла, а тебе, Ириш, джинсы. Ну-ко, помогай! – чистила Яна, распаковывая дорожную сумку. Но Ира, получив обновки, смоталась в свою комнату. Мать, толком ничего не рассмотрев, цело-

вала её, плача и смущаясь. Отчим, радостно умывая руки, и нервно поддёргивая вытянутое на коленках всесезонное трико, поторапливал Анну Ивановну, мельтеша из комнаты в кухню.

– Да где ж ты на Ирку джинсы-то взяла? Ей ведь не угодишь. Ирка, скорей покажись! – требовал папаша родную дочь на подиум.

– А тебе чё привезли? А?! Ты мне показался?! Вот и не жди! – уже вертелась юлой перед матерью Иришка.

– Нравится?

– Да как хоть не нравится-то?! Спасибо! – обрадовано лобызала сестру Иришка.

– Ира! Неси вилки, – командовала мать.

Удивительное дело – они на самом деле ждали её, толком не завтракали. Откуда идёт этот обычай или традиция – кушать всем вместе? Кто так завёл? Но сколько себя помнит Яна, кушать в одиночестве, в их большой родне было не принято. И Яна никогда не ужинала без мужа, всегда ждала.

Семейный обед затянулся. Солнце спряталось за крыши соседних домов и наступило время тихого тепла, отсутствия комаров и праздношатающихся пьяниц. Мать, утомлённая событиями, прилегла. Отчим, «стрельнув» у Яны денежку, убежал за бутылкой.

Сёстры, торопливо переодевшись, на цыпочках выскользнули из квартиры. Эйфория от встречи ещё не прошла, и всю дорогу до речки они дурачились: целовались, щекотали друг друга, обнимались, сыпали шутками, делились новостями. Ира, забывшая на пляж дорогу, повела сестру «огородами». Маршируя по скрипучему тротуару улицы имени первой революционерки, сёстры неожиданно вышли к настоящему болоту. Пришлось подобрать полы халатов, а шлёпки нести в руках. Река, действительно, вышла из берегов.

– Ничего, ничего – это лечебная грязь! – ликовала Иришка.

– Угу, прям Мёртвое море одарило нас презентами, – уже не ища кочку, ступала, куда попало Яна. Заходящее солнце слепило глаза, и не видно было конца и края лечебным процедурам.

– А! Яна! Скорей сюда! – истошно вопила Ирка, неуклюже размахивая руками.

– Змея?! – испуганно ахнула Яна, беспомощно переступая с ноги на ногу.

– Да лови же! Глянь, какая красавица... – разбрызгивая тёмную жижу, мчалась за лягушкой Ирка.

– Матильда!!! Меня чуть Кондратий не хватил! Зачем тебе эта жаба?

– И не жаба, а царевна-лягушка. Для опытов, – выбралась на тропинку Ирка.

– Бр-р, садюга. Пойдём левее...

– Там ещё хуже. Иди за мной, к мосткам выйдем.

Оказавшаяся за мостками протоптанная дорожка, петляя, привела их к дикому пляжу.

– Запугали меня! Ха! Вода светлая, а значит, тёплая. Ты будешь нырять? – на ходу раздевалась Яна.

– Да я вообще в воду не полезу! – передёрнула острыми плечами Ира.

– Зачем же ты купальник надевала?

– За компанию...

– А ты и поплавай со мной за компанию, – дрожала от восторга Яна.

– Ну и ветер... Нет! Я тебя на берегу подожду. Посмотри, у меня волосы на всём теле дыбом встали...

– Закутывайся в полотенца, а я побежала.

Иришка зажмурила глаза – она не любила фильмы ужасов, тем более о родственниках. Стащив с головы полотенце, Ира осторожно приоткрыла один глаз. «Ого! Уже у другого берега. Утка, однако. Нет! Меня никакой силой в воду не затащишь. Я всё лето не купалась и сейчас не буду. Не хватало ишо мне простудиться и прохворать весь август...»

Иришка сжалась под полотенцем. «А эта утка куда исчезла? Господи Иисусе! Она ещё и ныряет. Свят, свят. Может, сесть? Как можно плыть против таких волн?! Действительно, сто лет не плавала», – раскрыв рот, наблюдала за дорвавшейся до воды старшей сестрой Иришка.

– Хватит! Вылазь! Я замерзаю, – нараспев кричала Иришка, подпрыгивая.

– Иду-у, – повернула Яна к берегу, – ты права, для начала хватит.

– Надевай скорей халат, – стучала зубами Ирка.

– Я купалась – она трясётся. Хочешь – поглажу или обниму.

– А-а! – запищала Ирка, кидая в сестру полотенца.

– Весьма кстати, – Яна лихо закрутила волосы в жёсткое полотенце, накинула халатик, – всё, всё. Бежим, мерзлячка. Спасибо, что сходила со мной, но пойдём обратно другой дорогой. Я по грязи больше не полезу. Сусанин!

– Я же не знала...

– Абориген называется...

– Я никогда не хожу сюда купаться, – слабо возражала, оправдываясь Ирка.

– А ну бегом! У тебя зуб на зуб не попадает. Да и родители, небось, нас потеряли.

Примчались они вовремя: мать проснулась и, насупившись, хлопотала на кухне. Сёстры понимающе переглянулись, и Иришка, чмокнув мать в щёку, беззаботно залопотала о совершённой прогулке. Иришкин трёп вернул матери былое расположение духа. Вбежал запыхавшийся довольный отчим с заветной жидкостью, и разговор продолжили за огромной сковородой с жарёхой.

– Много грибов-то, Петрович? – обратилась Яна к отчиму, подцепляя вилкой шляпку боровика.

– А хоть косой коси...

И, используя богатый запас, так называемых русских народных выражений, витиеватых и не очень, Петрович популярно изложил свой взгляд на нынешнее лето, не забывая наливать водочку в быстро пустеющую рюмку. Заставив всех выпить по первой, он более не настаивал, и семья разделилась: отчим пил, мать коротко переглядывалась с младшей дочерью, а долгожданная гостья, не обращая ни на кого внимания, аппетитно уплетала грибы. Анна Ивановна заботливо пододвинула сковородку поближе к Яне.

– А вы? – запоздало спохватилась Яна, оторвавшись от поглощения боровиков.

– Мы в обед ели, а ты только вилкой ковыряла, – улыбнулась матушка.

– Надо было со мной купаться, у вас бы сейчас аппетит был...

– ..... вы меня не дождались? – топорщил тюленьи усы красномордый Петрович.

– А кто бы хоть на дне-то тебя искать стал? – фыркнула Ирка.

– Да я... Да лучше меня... – надувая щёки и выпячивая нагловатые водянистые глаза, пытался острить Петрович.

– Топор только плавает, – не унималась Ирка.

– Много ты понимаешь...

По мере опустошения заветной ёмкости отчим преображался на глазах: щёки его наливались нездоровым румянцем, пороссячи глазки искрились радостью, голос приобретал оттенки грома. Красноречие Травкина всегда сменялось жаждой подвигов, иногда эти «подвиги» впоследствии являлись поводом для соседских пересудов и сплетен. Горячительного для забываемых поступков сегодняшнего дня явно не хватало.

Анна Ивановна, не ожидавшая от brutального мужа ласковых слов, напоминала грозовую тучу, а Ирка маленький вулкан, накануне извержения. Обстановочка Яне была знакома.

И вновь неприятные предчувствия заставляли тревожно прислушиваться к словам отчима. Яна готовилась провести беспокойную ночь. Ах! Как бы хотелось закрыться в Иркиной комнате и посудачить. Увы, гостеприимство отчего дома придётся испытать сполна. Яна мысленно поблагодарила себя за дальновидность: она приехала всего на восемь дней. Петрович уже осушил ёмкость, и маленькие серенькие глазки его, остекленело блестя, зорко ощупывали стол, выискивая заветную жидкость.

– Так что, Ян-ну-ну-шка, ты так и не выпила? – с ударением на каждом слоге громогласно поинтересовался Петрович.

– Я лучше поем. Бери, – кивнула Яна на пригубленную рюмку.

– Так ведь мало всем-то, – насупил Травкин мохнатые брови, ибо по справедливости разделить рюмку на всех отточенный глазомер отчима затруднялся.

– А кто хоть хочет-то, – сердито дразнилась Ирка.

– А как же! За приезд... чай, столько лет не виделись, опять же, грибы надо обмыть... первое купание... А-а-а... джинсы?! – распалялся краснопузый Петрович.

– Угу. Опять же – первый вторник на неделе, – не поддержала Петровича падчерица.

Мать попыталась урезонить мужа, но уговоры, как и в те, далёкие школьные годы Яны, ни к чему не привели. Петрович, якобы глубоко обиженный и уж точно непонятый женским коллективом, легко опрокинув стопку, убежал искать мужской.

Напряжение и недосказанность сгущались, концентрируясь в неловкое молчание. Ирка тяготилась наступившей удушающей тишиной.

– Попьём чайку-то, бабоньки, – сжав губы и, потупя глазки, чтоб не расхохотаться, проокала по-стариковски Ирка.

– Надо бы, девонька, надо бы, – в тон ей отвечала Яна, отмахиваясь от своих плохих предчувствий.

– Старушечки нашлись, – колокольчиком рассмеялась мать, – ладно уж, я сама заварю.

От ароматного травяного чая Анну Ивановну слегка разморило. Сёстры понимающе перемигнулись и наперегонки бросились убирать со стола.

– Уложим мать и смоемся, – ущипнула Яна надувшую губки Ирку.

– Давай спать не будем. Хотя ты с дороги, наверное, спать хочешь. Тебе с поезда и отдохнуть-то не дали, – притворно тяжело вздохнула Иришка, выславшаяся на целую неделю вперёд.

– Я нормально себя чувствую...

– А чего это вы там шушукаетесь? – возмутилась полусонная мать, приподняв голову с огромной пуховой подушки.

– Ничего, ничего, спи, давай, – грубовато – строго отозвалась Ирка.

– Как ты с матерью разговариваешь, дочь моя, – плаксиво отозвалась Анна Ивановна.

Слезливость и обидчивость матери и без спиртного были всегда близки к грани, за которой начиналась горькая-горькая обида и тяжёлое молчание. Поэтому, чтоб мать не плакала и не обижалась – слова при разговоре необходимо было тщательно подбирать, а не ляпать наобум Лазаря.

Ирка скорчила уморительную рожицу, и сёстры, прыская и толкаясь, бросились к кровати.

– Ну, вот тебе и веселье. А то запрётся в своей «келье» и сидит целыми днями дома. Уж как она тебя ждала... Как из печки пирога, – сладко зевала Анна Ивановна.

– Мам, я оправдаю «ейные» ожидания. Прямо сейчас и начну. Ты спи спокойно, мы пойдём в Иришкину комнату. Не волнуйся: мы тебя закроем, а свою дверь оставим открытой, так что Петровича никак не пропустим. Спи спокойно.

Она наклонилась, чтобы поцеловать мать, но Ирка торопилась повторить жест старшей сестры и они, звонко стукнувшись лбами, чмокнули мать в ухо.

– Ой, голова-то моя треснула, наверное, – тут же театрально запричитала Ирка.

– А у меня освещение включили, я теперь долго в темноте видеть буду.

– А то, что меня глухой сделаете, это вам всё равно. Уходите, – капризно-строго отозвалась Анна Ивановна.

– Всё, всё, мамочка, мы уже исчезаем, – в притворном ужасе округляя и без того огромные глаза, и пятясь из комнаты, шипела Ирка.

Они выскочили из квартиры со щенячьим восторгом.

– Ну, показывай свои хоромы. Ого! Какая чистота. Это всегда так?

– Да размечталась! Исключительно к приезду дорогих гостей, – и Иришка, дурачась, чмокнула сестру в щёку. – Сейчас я включу светильник, закрою окно, а то комары налетят... Ты садись куда-нибудь, – небрежно смахнула Ирка одежду со стула.

Ира включила потрепанный абажур, стоящий на столе, и убогое убранство «кегли» прикрылось услужливой уютной темнотой. Яна присела к круглому столу и поёжилась, сопротивляясь воспоминаниям: тот же стол, та же жёлтая скатерть с чёрными тюльпанами и длинной бахромой...

Девятый класс

Горьковатый запах черёмухи едва уловимо витал в пыльной тишине засыпающего посёлка. Яна коротко свистнула у знакомых ворот. На втором этаже деревянного многоквартирного дома распахнулось окно и Анютка, что-то смачно жующая, промывчала: – Иду!

Яна кивнула и медленно, по дырявому, дощатому тротуару, пошла вдоль улицы.

– Вот и я! – обнималась Анютка. – У меня будет своя квартира!!! – жарким шёпотом поделилась новостью подруга.

– Где?!

– Бабуля с дедулей переедут к нам и освободят мне комнату. Завтра уже пианино перенесём. – Анютка пританцовывала, возбуждённо блестя чёрными смородинками глаз.

Для проживающих в одном доме родственников – переезд – не проблема.

– Никто не будет знать – во сколько я пришла! – кокетливо хлопала густо накрашенными ресницами модница Анютка.

Яна в очередной раз восхитилась Анюткиному умению «штукатуриться» ежевечерне.

– Куда?

– Как обычно – на мост! – манерно стреляла глазками в сторону проходящих парней Аня.

– Привет, Анюха! – поздоровался тот, что показался Яне наименее симпатичным.

– Мы разве танцевали вместе? – заинтересовалась, флиртуя Анна. – Что-то не помню...

– А кто в прошлом году со мной на мотике катался?!

Яна тоскливо опустила взгляд на пыльный тротуар. Её тяготили пустые разговоры и бесконечные Анюткины ухажёры. С Анюткой Яна всегда попадала в переплёт: то гонки на мотоциклах, то путешествие на какие-то сельские танцы, то костёр за городом с непонятными намёками... Аньке хорошо, её не ругали, а Яну... Не успеешь войти – нотации Анны Ивановны и сальные шуточки Петровича.

Яна опять тяжело вздохнула и уже готова была повернуть обратно – к дому, как вдруг услышала:

– Ну, хорошо, пока!

Не веря своим глазам и ушам, Яна развернулась к подруге.

– Шо, старые знакомые?

Анютка провожала взглядом уходящих вразвалочку парней.

– Угу, в прошлом году, на пивзавод – на танцы вместе ездили.

– А у нас?!

– Не было – среда ж была.

Аня и Яна, делаясь школьными новостями, незаметно подошли к местной достопримечательности и любимому месту сбора всей молодёжи – новому мосту через реку.

Мотоциклы, слепя фарами, пронеслись с треском мимо. Близорукая Яна даже не пыталась всмотреться – кто за рулём, а глазастая Анютка уже махала кому-то рукой.

Оглушённая визгом тормозов Яна не сразу сообразила, что голубоглазый блондин спрашивает её о чём-то.

– Она уже спит, – смеясь, ответила за подругу Аня.

– Рановато, девушка. – Усмехнулся блондин, с завлекательными ямочками на щеках и нажал на газ.

Яна ошалело посмотрела в след удаляющемуся мотоциклисту.

Обычно Анины знакомые с Яной не разговаривали. Не то, чтобы внимания совсем не обращали, но при первых же попытках заговорить кому-то из парней с Яной, ответ он полу-

чал от Анны. Анюткина реакция и остроты всегда были быстрыми, колкими, на грани приличия, и зачастую смешными и уместными. Яна же старалась ответить обстоятельно и серьёзно, что не способствовало быстрому и приятному знакомству. Поэтому все Янины заумные высказывания Анна корректно пресекала.

Яна удачно оттеняла броскую Анину внешность. Смуглянка Аня с короткой стильной стрижкой, при макияже, в обтягивающих брючках и с неприлично низким декольте блузки выгодно смотрелась рядом с простоватой, неброско одетой Яной. Без тени косметики, бледная до синевы под глазами, с серьёзным и суровым выражением лица, Яна была полным Аниным антиподом. Да и тяжёлая, медная коса ниже копчика – предмет не ветреной особы.

– Это кто? – чихала от поднявшейся пыли Яна.

– Ты чего?! Это же – Димка, из нашего класса. Он к нам в этом году пришёл, в конце сентября. Ты, что, в школе его не видела? А-аа, ты, наверное, его не знаешь... зато ваша Галка очень хорошо его знает!

– Королёва?

– Не, Яблочкова. Они ж давно гуляют. Завтра в школе понаблюдай.

Рабочий посёлок городского типа образца 1979 года тихо дремал под белую музыку осыпающейся черёмухи.

Келья

- Да, хорошо у тебя. У вас официально две квартиры или ты её арендуешь?
- Конечно, две. Понимаешь, когда Светка замуж вышла, мать выхлопотала ей квартиру-шечку, а соседняя как раз освободилась. Вот и получилось, что в одном доме, да ещё и через стенку... – копалась возле этажерки Ирка.
- Родители к тебе совсем не заходят? – продолжала оглядывать жильё Яна.
- Вообще-то я им не открываю – нечё делать, пол топтать, потолок покрашенный, – скороговоркой закончила объяснения Иришка.
- Понятно. А воду зачем кипятить?
- Газ – большой дефицит. Для стирки воду греем кипятильником. Ну-с, с фотографий начнём?
- Чёрно-белые, цветные фотоснимки рассыпались по столу.
- Поможешь провести инвентаризацию?
- А заодно и хронологизацию, – согласилась Яна.
- Но, ни то ни другое сделать нынче им было не дано; с улицы донёсся зычный, раскатистый голос Петровича, приближающийся к «келье» с неумолимостью цунами.
- Ты чё, стучать разучился?! – набросилась на отца Ирка.
- Ладно – ладно, не рычи. Посмотрите, кто к вам пришёл, – пьяно подмигивал Яне деятельный покрасневшийся Петрович.
- Сёстры недоумённо переглянулись, а «проводник» торжественно изрёк, – Саша Коротов!
- Иришка, скорчив презрительную мину, оглянулась на сестру. Последняя с интересом всматривалась в неожиданно появившегося Сашу. Но грузный собутыльник Петровича мало походил на того стройного и высокомерного щеголя, каким Яна помнила Сашу. Яне, очевидно, не удалось скрыть разочарования, и Александр малость сник, что-то пробормотав.
- А ну, свалили отсюда! – Иришка на правах хозяйки пыталась выставить непрошенных гостей.
- Цыц, малявка! Иди лучше салат сделай. Да хлеб не забудь..... моя красавица, ещё б одну такую заказать..... – выставляя за дверь родную дочь, распорядился Петрович. Непомеренное потребление хлебного напитка активизировало все спящие таланты Петровича.
- Памятуя прошлые «подвиги» отчима, Яна проворно убрала под подушку оставленные Иркой ножницы и пилку для ногтей. Мужики сели за стол, на котором уже красовалась бутылка.
- А это откуда взялось?! – Яна испепеляющим взглядом смирив неестественно спокойного Коротова.
- Ну, чё-чё-чё, за встречу надо выпить, – не глядя, откупорил бутылку Петрович.
- Разбежалась! Я сказала – не употребляю! – еле сдерживаясь, отрезала Яна.
- Да ладно, уважь нас. Садись. Я тебе немного налью... ну ты чё, совсем нас не уважаешь? Садись. Не виделись же давно, поговорите... капельку, – суетился, подмигивая плечами, Петрович.
- А шампанское будешь? – не поднимая глаз, вопрошал Саша.
- Отвяжись, – поморщилась Яна, неприязненно глядя на собутыльников.
- Тогда я пошёл.
- Ку-уда, ик? – пытался нахмурить «брежневские» брови Петрович.
- За ш-шм-шпа-шапнамским, – усердно выговаривал слоги Саша, не двигаясь со стула.
- Между тем, не к месту гостеприимный Петрович сыпал тостами: за встречу, за прекрасную дочь, за приезд, за здоровье женщин, за солнечный день, за первый четверг на неделе, за...

Повод всегда найдётся, было бы желание выпить, а у алкоголиков оно было всегда. Вошедшая с салатом Иришка застала живописную картину маслом: Коротов туманным взором пялился на сестру, сидевшую истуканом с полной рюмкой водки, отец ословело клевал носом и что-то явно пытался сказать, но слова по дороге рассыпались на буквы, и он лишь обречённо махал рукой. Ирка с грохотом поставила салат на стол.

– А-а, Иришка. – Потенциальный пациент нарколога вспомнил некоторые знакомые буквы и сложил их в слова.

– Вот моё золотко ...салат принесла... – набравшийся Петрович был сказочно добр и любезен, – выпьешь с нами?

– Ишо чё не хватало! – резко отозвалась дочь. – Ты спать собираешься?

– Иди... – папаша не смог выразить членораздельно, куда нужно отправиться Иришке.

– Ириш, тут Саша не знает, где выход, – многозначительно приподняла бровь Яна.

– Это сколько угодно. Это мы завсегда пжалста.

Иришка хотела поступить с Сашей как с нашкодившим котом, но тот неожиданно резво вскочил и бросился к двери. Иришка настигла его у порога и ущипнула. Саша неловко увернулся, задел головой овальный таз, висевший на стене, балансируя удержался на ногах и, пытаясь поймать таз, кубарем скатился по ступенькам. Ира, довольная собой, поймала соседский таз и, сделав неприличный жест в сторону Саши, проворчала что-то оскорбительное.

– Ковбой! – констатировала Яна, не принимавшая участия в дружеской потасовке, – Петровича можно в люльку класть?

– Попробуем, – громко ответила Иришка, входя в «келью» следом за сестрой.

– Чаво? – встрепенулся пустивший слюну Петрович.

– Да спать, говорю, тебе пора, нечё тут расслаиваться, – отодвигая тарелки от края стола, грозно командовала Иришка.

– А мать-то где? – тщетно пытался приподнять голову от стола Петрович.

– Спит. Где ей ещё быть-то. И ты бы шёл, что ли... Нам ведь тоже надо спать... никакой совести нет! Человек с поезда и ещё не отдохнул!

– А-а-а, ну, это... я... это..... пошёл тогда. Ой, вы мои красавицы, дайте-ко я вас обниму... ни у кого ведь .....нет таких дочерей... ух... красавицы вы мои... – неустойчивость положения не позволила ему облапать сестёр и они, ловко увёртываясь, подхватили папашу под руки и доволокли до личного дивана. Своеобразные комплименты Травкина перешли в невнятное бормотание, а прикосновение подушки целительным образом преобразовало невнятную речь в могучий храп. Вот повезло так повезло! Правда, пришлось прервать сон матери.

– Мам, закрой за нами. Рано не буди! – строго приказала Ирка.

– Это почему? Зачем? – не поняла спросонья мать.

– Ты запомни – потом поймёшь, – хмыкнула Иришка, закрывая дверь. Ключ в замке щёлкнул.

– Лихо ты с предками общаешься.

– Знаешь, как надоели эти пьянки...

– Знаю, – не желала вспоминать незавидное отрочество, кивнула Яна.

– Боже!!! Наконец-то все удрыхлись, – шлёпаясь на стул, с недетской тоской подвела итог Иришка.

– Ты так громко вопишь, – удивилась Яна. – Нас не слышно за стенкой?

– А! – беззаботно – пренебрежительно скривила ротик Ирка, – соседей нет, а за этой маман спит. Ей же главное заснуть, а там хоть слоны по крыше топтать будут... О-о! Погодька! Мы же с тобой за встречу и не выпили. То мне не хотелось, то нам не давали. Чокнёмся, – предложила Иришка, протягивая ей рюмку.

– Может, Шурика подождём? Он, кстати, за шампанским убежал. Где он среди ночи его возьмёт... – вспомнила о непрошеном госте Яна.

– Два ночных магазина! – фыркнула Иришка.

– Урбанизация, – качала головой Яна, не зная радоваться или огорчаться прогрессу в посёлке, – на что пьют...

– Саша – придурок! А вообще-то ладно, пусть несёт. Разопьем! – дала «добро» Иришка.

– Нет. Мне хватит.

– Так ты ведь ничё и не пила. Ты с ними... – щёлкнула характерным жестом по шее Иришка.

– Нет, конечно! И уйти не могу и с ними сидеть тошно, а ты хороша – сбежала!

– Я салат делала, – важничала сестрёнка.

– Саша, надеюсь, не придёт.

– Щас! Размечталась! Как миленький прибежит. Он из-за тебя и заходил-то к нам, а как узнал, что приезжаешь, так вообще не вылазил. С отцом вместе работают, а потом вместе пьют. Он у нас и спать оставался; разлёгся посреди кровати, и разбудить не могли.

– Ты меня пугаешь. – Непроизвольно хлопала ресницами Яна, будто пыталась прогнать дурной сон. – Для полного счастья мне только Саши не хватало. Ой! По-моему, кто-то поднимается по лестнице.

Обе насторожённо прислушались. Шаги стихли, но снаружи раздались странное шуршание и царапанье. «Сиди!» – жестом остановила сестру Иришка, подкрадываясь к двери.

– Кто? – менторским тоном спросила она, прижимая к двери ухо. Тишина. Ирка скорчила гримаску, оглянувшись на сестру. И вновь царапанье.

– Кто?! – строже спросила Ирка.

– Ир! Открывай. Это я...

– А чё молчал?! Щас как ушипну, чтоб синяк остался, – впуская Коротова, кипятилась Иришка.

– Не ругайся, невеста. Девчонки, шампанского не было, я водки взял, – отчитался Саша, ставя на стол бутылку.

– Ну и пей её сам! – презрительно скривилась Ира.

– Не шуми, невеста. Мы вот тут с твоей сестрой немного поговорим, а ты иди, погуляй, – ласково выпроваживал Иру Коротов, подмигивая Яне.

– Разошёлся! Ребёнку спать пора, а ты её на улицу выставляешь. Да и тебе не грех проветриться, чтоб домашних не испугать. Дома, небось, жена ждёт? Вот и замечательно! Бери свою бутылку и топай по холодку, – нервно командовала Яна, обнимая Иришку.

Но Саша миролюбиво поднял руки вверх и, невозмутимо улыбаясь, направился к дивану. Яна, памятуя Иришкин рассказ, попыталась удержать его за рукав рубашки. Он как будто этого ждал: круто развернулся, обнял Яну и попытался поцеловать. Бдительная Ирка вовремя оказала посильную помощь сестре: вдвоём они усадили Сашу на стул, пригрозив привязать его, если он будет распускать свои ручки. Саша согласно кивал головой и умолял только об одном – чтобы с ним поговорили. Яна тяжело вздохнула – она панически боялась и всеми фибрами измученного сердца не хотела встретить кого-нибудь из одноклассников, приятелей, знакомых. Ей хотелось потерять память на время короткого отпуска. А коль невозможна частичная амнезия, так хотя бы оградить себя от назойливых расспросов. И в первый же вечер

такой облом! Бойся своих тайных желаний – они скрыты от сознания. Вздыхнув, она опустилась на стул.

– Саш, а почему ты вдруг обо мне вспомнил? Можно подумать в свои двадцать с чем-то лет ты обращал на меня, соплячку, какое-то внимание. Подкалывал? Да. Выручал? Иногда. Я думаю, у нас были довольно хорошие приятельские отношения. Так?

Коротов не отвечая, налил водку. Ирка недовольно поджала губы, но, заметив на столе редкий для посёлка деликатес – рисовые колечки, быстро утешилась.

– Давайте выпьем. Невеста, тебе рано, – пронёс мимо Иришки полную рюмку Саша, – а ты не трясись головой! Ты меня уважаешь? – сурово сдвинув брови, начал допрос Коротов.

– Уважаю. Но водку терпеть не могу, – твёрдо отказалась Яна.

– Мы с тобой почти десять лет не виделись... Эх! Помнишь, Новый год в ДК встречали? Ты Бабой-Ягой была... хорошенькой...

«Я в отпуске... в отпуске... и ни о чём не думаю...»

– А чё ж ты мне раньше не сказал об этом? И если все роли вспоминать нам бутылки не хватит, – насмешничала Яна, пытаясь найти верный тон, и в упор неприязненно разглядывала Сашу.

– Ерунда! Я ещё схожу. Может сразу две взять? – с готовностью юного пионера подскочил Коротов.

– Я пошутила. Сядь. Где ты сейчас работаешь?

– С Петровичем халтурим. Я сильно изменился? – Стальной взгляд полоснул бритвой. – Ладно, не ври. Я же видел, как ты меня испугалась. Выпьем за встречу, – настойчиво придвигал он полную рюмку.

Пока Яна размышляла, как бы ей убедительнее отказаться от «чудесного» напитка неизвестного розлива, Саша опрокинул вторую, и вновь стал интересоваться, уважает ли она его. Иришка съела все колечки, утомилась строить рожи и закатывать глаза. Настроение у неё испортилось, слушать о чужой молодости не хотелось и, шепнув сестре: «Я в туалет», она ушла посмотреть, что творится на улице.

Девятый класс

Иришка родилась в конце апреля. Ровно через месяц Анна Ивановна вышла на работу, перепоручив заботы о младшей дочери Яне. Близнецы на всё лето были отправлены к родственникам, в деревню, Светка была у любящей бабушки – мамы отчима, а Ирка – старшая – опора и помощница. И её уже подкинуть было некому. Три месяца летних каникул стали для Яны ускоренными курсами материнства. Мать работала по сменам. И Яна жила по маминому графику. Сегодня мама в ночь.

Яна мышкой сидела в уголке Таниной квартиры и наслаждалась популярной песней в исполнении хозяйки. «Казалось плакать бы о чём, ведь мы так праведно живём...» – Анины пальцы изящно порхали по клавишам инструмента.

Слёзы жалости, сожаления, разочарования, слёзы упущенных возможностей, обид, несправедливых упрёков собирались солёной влагой в уголках глаз, и ручейками текли по щекам. Яна не могла объяснить себе – почему она плачет при звуках фортепиано. Полумрак, две свечи на инструменте, полуодетая Анютка, овальный портрет Аллы Пугачёвой на маленьком столике, незаправленная кровать и над всем этим живописным девчоночьим беспорядком тихая, божественная музыка. Хотелось остановить мгновение и остаться в нём навсегда.

– Ого! Это мне повезло – на концерт попал! – в форточке показалась голова очередного Танькиного кавалера. – Пустишь?

Яна с неприязнью взглянула на довольную физиономию юноши, даже не пытаясь припомнить – видела его раньше или нет. Анютка же вскочила, оборвав песню, и суетливо мельтеша по комнате, не сортируя, распахивала вещи по ящикам.

– Не в окно! Проходи в дверь – щас открою. – Ян, ну, пока, – обернулась Аня к вытиравшей слёзы Яне.

Яна взглянула на часы. Через час мать с отчимом уходят на смену, она могла бы ещё слушать и слушать музыку.

Выйдя в темноту ночи, звенящей комарами, Яна задумчиво шла к своему дому, планируя Иришкино кормление. Можно и поспать ещё успеть...

– Привет, невеста! Откуда так поздно? – верзила Коротов раскинул руки, загораживая проход во двор.

– А-а, ты тут хоть чё делаешь-то?! – оторопела Яна.

– За тобой пришёл. Пошли в кино.

– Ты меня с кем спутал, Саша?!

– Яна! – раздался из темноты двора тонкий голосок матери, – мы уже уходим!

– Чего на танцы-то не приходишь? – сделал шаг в сторону от ворот Коротов.

– А ты прям без меня не можешь танцевать-то! – смеялась Яна.

– Могу, но с тобой интереснее. Приходи.

– Иришка вот подрастет и приду, – высматривала в темноте двора родительницу Яна. Мать «серой кошкой» оказалась рядом почти бесшумно.

Галантно Коротов поздоровался с Анной Ивановной и направился в сторону кинотеатра.

Перепеленав Иришку, Яна раздумала спать и, пытаясь поймать вражеские голоса на старой радиоле, чутко прислушивалась к звукам. Вздрыгнула от резкого, короткого стука в дверь. Решив, что мать что-то забыла, Яна не спрашивая: – Кто там? – распахнула дверь.

– Кино отменили – домой неохота, к тебе можно, на чай? – пушистые, ухоженные усы Коротова, как улыбка Чеширского кота, неуловимо перемещались в темноте общего коридора. Ступор, настигший Яну, прошёл, и она резко дёрнула Коротова за руку.

– Входи же быстрее! И – тише! У меня Ирка спит. Шас кто-нибудь выйдет из соседей – будет мне завтра кино. Ну, проходи, – продолжала шёпотом Яна.

– Чего делаешь? – оглядываясь в темноте комнаты Коротов.

– Изучаю эфир – может, что-то найду интересное.

– Я с тобой посижу.

Когда минут через двадцать Иришка заглянула в свою «келью», увлечённые воспоминаниями «приятели», её даже не заметили. Послушав бурный диалог, и, не обнаружив знакомых имён, Ира тихонько прикрыла дверь, решив удалиться, примерно минут на десять. Ах! Совершенно напрасно! В шестнадцать лет такие сцены ещё новы и интересны, а для тонкой сплетницы, какой вырастала Иришка, это был упущенный шанс.

– Саш, может, хватит, – с вековой мольбой русских женщин взглянула Яна в вылинявшие, нагловатое – голубые Сашкины глаза.

– Боишься, что приставать начну? – наливая водку мимо рюмки, сквозь зубы зло выдохнул Сашка.

– Нет. Просто терпеть не могу пьяных.

– Тогда не мешай. В моей жизни было всего три девчонки – всего три! – кого я уважал, кого я не тронул...

– На меня распространяется твоё уважение?

– Да. Я храню твои фотографии...

– И много их у тебя? – всё ещё насмешничала Яна.

– Две, – не задержался с ответом Коротов.

– Надеюсь, кроме тебя, их никто не видит, – стушевалась, покраснев Яна, – допустим, одну я припоминаю... я стою...

– В обнимку со мной, – осклабилась Саша.

– Да-да! У тебя под мышкой. Нас Юра на бегу заснял. Мутная фотография, как твои мысли. Резкости нет, но не желтеет...

– Проводы Русской зимы были. Ты Весной была...

– С огромнейшим венком из искусственных цветов, – рассмеялась Яна, вспомнив далёкий, славный праздник, – я жутко озябла в тонком платье...

– Меньше надо было с Дедом Морозом целоваться.

– Да что ты говоришь! У нашего Деда в то время роман был – он вообще никого не видел, ничего не слышал. Репетиции часто пропускал, потому что его Наденька заканчивала работу в семь, а он непременно должен был её встретить. М-да. А Снегурочку помнишь? Люську Чебурашкину? Красивая девочка была. Где она сейчас, не знаешь? – на удивление легко всплывали из памяти далёкие дни.

– Развелась. К родителям вернулась, с ребёнком или двумя – не помню, но точно помню, что я её красивой не считал.

– У меня было детское восприятие действительности. Возможно сейчас.... – Яна фыркнула, – слушай, вспомнила: Люся часто ходила с синяками на губах, и вы с Серёгой её подкалывали, что она целоваться не умеет. Припоминаешь?

– Не-а, – ни на секунду не задумался Сашка, – у тебя синих губ не было, значит, я целоваться умел.

– Это ты перепил, братец. Мы с тобой целовались исключительно на сцене, да и то в щёчку. Все мозги высохли?

Саша обиженно заморгал, наморщил высокий, веснушчатый лоб, посмотрел зачем-то на часы, махнул рукой: «А, потом. Шас исправим».

– Сиди, где сидишь. Шустрый какой! Тебе этот стул очень идёт. Вы просто созданы друг для друга, – артистично жестикулировала Яна, удачно пародируя речь младшей сестры.

– Затараторила! Ты медленней-то говорить умеешь?

– Могём, – перспектива просидеть всю ночь перед полной рюмкой водки, развлекая Сашу Коротова, начинала казаться забавной.

– Давай, на бру-брут-шафт выпьем, – медленно двигал по столу наполненную рюмку Саша.

– На что? – продолжала насмехаться Яна.

– На брудуршат, – упрямо повторил Саша, – и перестань смеяться, а то...

Он умолк, глядя на неё усталыми, пьяными глазами.

– Налюбовался? Давай договоримся: я уважаю тебя, ты уважаешь меня, я выпью с тобой на брудершафт, но это будет твоя последняя рюмка в жизни, ладно, хотя бы за сегодняшний день. И ты пойдёшь домой. Мы с Иришкой можем тебя малость проводить. Идёт?

– Я на велосипеде, – кратко ответил на Янину пылкую тираду Коротов.

– Ну и что? – пожала плечами Яна.

– Я сам доеду.

– Вот и отлично. Значит, согласен?

Саша радостно кивнул головой, едва не завалившись вместе со стулом. Яна вновь затараторила, намереваясь отвлечь Сашу от ультиматума, но не тут-то было! Саша цепко держал её руку, и чем больше она говорила, тем сильнее сжимались его пальцы.

– Саш, мне больно! Быстро отпусти руку! Кому сказала! – сорвалась испуганно на крик Яна.

– Отпущу, но только для того, чтобы ты взяла рюмку, – монотонно гугнивил Коротов.

– Изверг! Подай кусочек огурчика. Спасибо. Предупреждаю – до дна не осилю, – демонстративно растирала покрасневшее запястье Яна.

– За шиворот вылью, – грозно пообещал Саша.

Яна глубоко вдохнула, резко выдохнула, пригодились уроки мужа, сделала большой глоток, но Саша, хитрый жук, надавил пальцем на дно рюмки.

– И облилась и напилась, – стряхивая капли с одежды, вскочила Яна со стула.

– Потанцуй со мной, – склонил почтительно голову Саша.

Яне не встречался второй такой танцор. И дело было не в каких-то сложных «па» или умении вести в вальсе – нет! Можно сказать, что Саша совершенно не умел танцевать. Но Яна прекрасно помнила, как торопились самые красивые девчонки к Саше, когда объявляли «белый танец». Слегка откинувшись на его раскрытые ладони, Яна закрыла глаза. Всё как раньше. Саша не переставляет свои «ходули», он плавно, в такт музыке, покачивает её на руках.

Лёгкая дымка воспоминаний рассеивалась, и Яна уже вполуха слушала запоздалые Сашкины признания. Когда она, восторженной и наивной девочкой, с замиранием сердца провела несколько минут в ночи с Сашей наедине, якобы слушая «вражеские голоса» и, робко отвечая на его насмешливые вопросы, ждала, сама не зная чего, тогда, именно тогда нужно было Саше говорить эти красивые слова. До двух часов ночи просидели они на старом диване возле светящегося зелёным светом первого советского радиоприёмника, и Саша даже словом не позволил себе лишнего. Был чрезмерно корректен и вежлив.

Ах, это потерянное лето после девятого класса! Все одноклассники гуляли, влюблялись, ходили в турпоходы с ночёвкой. Одна она всё лето нянчилась с новорождённой Иркочкой. Быть старшей в многодетной, без достатка семье – не иметь ни детства, ни личного времени и пространства.

Яна долго помнила эту ночь и щемящее чувство полёта; то ли влюблённость, то ли эйфорию, смешанную с удивлением – а зачем же Коротов приходил к ним ночью. Вроде сказал – к отчиму.

Расслабленно улыбаясь, Яна не заметила, не почувствовала как Сашины руки медленно поползли по спине, по пути расстёгивая пуговицы на блузке. Робкий поцелуй также не вывел её из кисейного облака воспоминаний. Мысли, как и ноги, шевелились вяло и отстранённо. Голова отяжелела, и она покорно прошлёпала с Сашей к Иркиной тахте; приятно вытянуться после долгого дня. Сашины ласки ничем не отличались от мужниных: не возбуждали и не мешали засыпать. Сашины слова всё медленнее и медленнее доходили до её сознания, но последняя фраза о том, что, если она не захочет, он её не тронет, прокрутилась ещё раз. Яну будто окатили ледяной водой. «Боже! Что я делаю?!» Она мгновенно протрезвела, отшвырнула Сашку – откуда силы взялись. Застёгивая дрожащими руками блузку, Яна мысленно послала Ирке «sos». Пока Яна приводила себя в прежнее состояние и положение Сашка сидел на тахте, обхватив голову руками, окаменев и тупо уставившись в пол. Яна осторожно тронула его за плечо.

– Тебе не пора?
– Прости меня! Я стал совершенной скотиной, – бухнулся на колени Коротов.
– Ты бы не пил больше, – с горечью посоветовала Яна, – совсем. Вставай.
– Скажи, что простила, – обхватил её ноги Коротов.
– Бог мой! Ты ли это?! – смешалась, не понимая как вести себя Яна.
– Прости меня, – чуть не плакал Сашка.
– Да-да, конечно, хорошо, – промычала растерянная Яна. – Саш, встань с колен, пожалуйста...
– Скажи, что простила...

– Простила. Саша, я тебя прощаю. Встань. На сегодня хватит тебе пить...
– Я трезвый. Мне домой нельзя, – метнулся к столу Коротов.
– А пить можно, – едко усмехнулась Яна.
– Жизнь такая, – залпом осушил полный стакан Сашка.
– И давно? – не пыталась скрыть сарказм Яна.
– Какой я был дурак... зачем я позволил тебе уехать? Молчи! – горестно сетовал на удивление трезвым голосом Коротов, – ты хорошо живёшь с мужем?

– Нормально. «Вот уж кому о разводе не говорить ни в коем случае, так это старому поклоннику.. или бывшему, или старинному, тьфу ты ж». – А ты, я вижу, не радуешься своей семейной жизни?

Сашка опустил голову и голос его зазвучал глухо и злобно. Недоверчиво косясь на Коротова, Яна осторожно переставила стул спинкой к столу и села на самый край. Но Саша, не поднимая глаз и не путаясь в словах, жёстко продолжал свой монолог. Яна сочувственно ахала, не позволяя себе анализировать и сомневаться. Пусть на самом деле всё иначе, но это была его правда, его жизнь, его исповедь, и Яна искренне сопереживала.

Вихрем ворвалась Иришка, оборвав Сашу на полуслове.

– Чай, не май месяц – гулять-то по улице, – не снимая куртки, под села она к столу.
– А Саша уже домой собрался, но не мог уйти, не пожелав тебе спокойного крепкого сна, – делая ударение на каждом слого произнесла Яна.
– А! Невеста пришла... и где это ты гуляла без меня? – не меняя серьёзного тона, интересовался Коротов.
– А она специально за тобой зашла, чтоб проводить, – многозначительно взглянула на сестру Яна.

– Конечно, конечно. Такого гостя да не проводить! Ещё и ручкой помашем, – включилась в игру Ирка.

Решительно подхватив под ручки упирающегося Коротова они вывалились из квартирешечки в тёмный коридор.

– Не грохочи ты так, – шикнула Ира на Коротова, – чай, люди-то спят.

– А давай проверим – вдруг подслушивают, – ерепенился Коротов.

Саша периодически порывался вернуться, но бдительная Иришка пресекала все попытки. Оседлав двухколёсный «Мерседес», извлечённый из придорожных кустов, Саша довольно ровно поехал по пустой улице.

– По-моему, он забыл, что он пьян. Доедет? – грустно смотрела на удалявшегося велосипедиста Яна.

– Куда хоть денется! – пренебрежительно хмыкнула Ира, не разделяя сочувствия сестры, и пошла обратно, – иди скорей! Ну и чё ты там увидела?!

– Он остановился, – поспешила Яна за сестрой.

– Бежим! Свет выключим, притворимся спящими... вот ведь принесло его... быстрее, а то вернётся, – втолковывала на бегу младшая старшей.

Не успели они отдышаться – в окно раздался стук.

– Во, придурок. Вернулся! Только разбей стекло! – всплеснув руками, бушевала Ирка.

– Что будем делать? – ещё сочувствовала ухажёру Яна.

– Сидеть. Иди ко мне! Чё ты там у двери сиротинушкой стоишь...

– Думаешь, уйдёт? Что-то мне не по себе. Опять! Чем он там бросается?

– Гравием. Ну, блин, щас я тя прибью! – расвирепевшая Ирка, резко отёрнула штору, и, распахнув окно, высунулась на улицу.

– Коротов! Это ты хулиганишь? – гаркнула она в дорожную пыль.

– Я, – подошёл ближе к обочине скромный Александр.

– Ну и чё ты тут забыл?! – сердито продолжала Ирка.

– Позови сестру, – несмело выдавил из себя Коротов.

– Она уже спит!

– У вас свет горел...

– А теперь не горит! Спим мы уже. Видишь, я в ночнушке, – оттопыривая полу куртки, убеждала Иришка Коротова.

– Ир, ну позови, – канючил Саша.

– Нету её! Пристал! Она к матери спать пошла. А я одна и ты меня не пугай больше.

– Врёшь ведь, – не верил Коротов «невесте».

– Больно надо! – не меняя грозного тона, чеканила Ирка.

– Я поднимусь – проверю, – решил досказать Яне свою историю Саша.

– Только попробуй.

Но Саша, вновь бросив велосипед у обочины, бодро маршировал к дому.

– Блин! Чё делать-то?! – заволновалась Иришка.

– Я тебя об этом же спрашивала семь минут назад. Оставь окно приоткрытым, накурил герой – любовник. Слышь! Шаги.

Они замерли, чутко вслушиваясь в звуки за дверью. Ожидание не было долгим. Саша поцарапался, толкнул дверь, потоптался, что-то проворчал и тихо удалился.

– Фу-у! Слава Богу! – выдохнули обе и бросились к окну.

– Вот теперь мы с тобой должны поесть, – провожая взглядом удаляющегося «артиста» обратилась Яна к Ирке.

– Ты голодная?! – всполошилась сестрёнка.

– Очень. Где твой салатик? – пыталась впотьмах нащупать тарелку Яна, – свет включи... а бутылок-то у нас... куда их?

– Одну спрячем, завтра отец опохмеляться будет клянчить, а эту допьём. Надо же стресс снять, – старательно укупоривала недопитую бутылку Ира, – с приездом, дорогая сестра!

– Ты даёшь! – Яна восхищённо смирив взглядом Ирку, – я в свои шестнадцать лет так умно пить не умела.

– Знаешь, как хорошо водочка помогает, когда живот болит. Потом микробы разные в организме... мм-м, дезинфекцию надо проводить, – с пафосом закончила разъяснение Ирка.

– И часто у тебя живот болит? – недогадливо спросила сестра.

– Раз в месяц. Ты не будешь?

– Не хочу. Ты пей, а я закусывать буду. Какая гадость! Ты салат из соли делала?!

– Да всё время так солим...

– Отвыкла я от ваших привычек. Ну что ж, не будить же родителей...

– Тебе двух огурцов хватит?

– Где ты их возьмёшь? – отплёвывалась Яна.

– Я тебя спрашиваю ещё раз – тебе двух огурцов хватит??? Примерно во – от таких, – она чуть согнула указательный палец, а большим двигала взад – вперёд, – нет, пожалуй, таких..

– Хватит – хватит, – рассмеялась Яна.

– Тогда за мной! – приказала Ирка, накидывая на голову капюшон, – дверь не закрывай – свет будет падать, а то обратно идти больно плохо.

– И давно у вас нет лампочки в коридоре?

– Уж месяц, – беззаботно откликнулась Ирка, ловко лавирую между дровяниками, – ты, главное, иди за мной, а то влезешь куда-нибудь... в помидоры, например. Вот и наша грядка, – наклонилась к земле Ира.

Яна окинула взглядом тёмное пространство: слева многоэтажные городские дома, справа добротные частные избы, а впереди до горизонта чернели огороды. Задрав голову к небу, Яна мечтательно улыбнулась, сравнивая полную луну с жёлтым куском топлёного масла на тефлоновой сковородке.

– Держи! Встала посреди огорода и радуется неизвестно чему, – выразительно шептала Ирка.

– Ого! Шикарный огурец.

– Мать тебе берегла. У отца привычка, как нажрётся, так надо в огород бежать. Все пупырышки обобрал. Так она ветку огуречную перекинула в картошку

– Замаскировала...

– Вот так и сохранились, а на грядке искать бесполезно – ничего нет.

– Спасибо. Кстати, а как ты умудрилась замёрзнуть в такую теплынь?

– Я пошутила. Пойдем, погуляем. Ты ведь не хочешь спать? – подлизывалась Ирка.

– Ах ты, хитрая моська. Куда пойдём?

– Куда захочешь. Например, можно к Саше Коротову в гости сходить, – обрадовалась бессонной ночи Иришка.

– Ну, у тебя и шуточки! Я в пляжном халате по такому прекрасному городу гулять не пойду, даже ночью...

– Ты ещё столица скажи, – закашлялась от смеха Иришка.

– В какой-то мере – да, райцентр же. Но, да, хотя – дыра. Хочешь, я покажу тебе мои любимые места? Давай проведём сравнительный анализ, составим график, сделаем репрезентативную выборку, – бодаясь, обняла Яна Иришку.

– Как здорово! – звонко расцеловала раскрасневшаяся Иришка сестру, – только не бери с собой вышеперечисленных товарищей – водки не хватит.

– Какая ты у меня умница...

– ?????

– Предупредила, чтоб я у тебя переодевалась.

– А можно я тоже в джинсах пойду?

– Я и привезла их для этого, но, если ты знаешь другое применение штанам...

Переодевание не заняло много времени, но, выйдя на улицу, Яне показалось, что стало темнее.

– Луна спряталась....

– А мы к ней в гости не собирались, – съехидничала младшая.

– Мимо универмага или мимо тира? – подхватывая Ирку под ручку, уточняла маршрут Яна.

– Ага! Мимо тира! Щас! Посмотри, сколько там парней...

– И мы их не знаем, значит, идём закоулками к мосту.

– И что мы там забыли? – заартачилась было Ирка.

– Кто-то в письме мне клялся, что облазит все бугорки со мной...

– Ладно уж – молчу. Спросить нельзя...

– Отвечаю – посмотришь.

И мимо одиноко возвышающегося универмага – символа цивилизованной торговли – они бодро направились к ночной реке. Хрустел под ногами гравий, тускло горели фонари, бросая под ноги редких прохожих пятна блёклого света. Всё было до боли знакомо, всё вспоминалось легко. Вопреки Яниной установке.

– В магазине что-нибудь продаётся или пустые полки приветствуют покупателей? – оглядывая универмаг, когда-то казавшийся гигантским, полюбопытствовала Яна.

– Завтра сходим, поглядишь. Ты знаешь, как я по тебе соскучилась. Прямо так тебя ждала, – запричитала, ласкаясь, Иришка.

– Что даже встретить не захотела...

– Да ладно! Я книжку читала, ой, какая интересная, прямо ваще, не оторвёшься. А потом меня ж в автобусе тошнит...

– До сих пор?!

– Да, – по-детски надула губки Иришка.

– Наследственность – страшная сила. Я тебе упражнения покажу для укрепления вестибулярного аппарата, напомни только. Кстати, что-нибудь от Светки есть? Ты по ней скучаешь?

– Ещё как! Поругаться ж не с кем. С матерью же не подерёшься и не поругаешься. Вот за каким лешим понесло Светлану в Екатеринбург?! Совсем своей головы нет! О чём она думала? Одна. В чужом городе. Беременная! Вот дура! Ведь всё же было: квартира, работа, мать рядом, подруги, парни. Нет! Всё бросила – укатила! – негодовала Иришка.

– А что, муж у Светки тоже без «царя» в голове?

– Да уж хороший полудурок. Когда у нас жили, на работу устроиться не мог, с отцом лаялся всё время, мать из-за него с работы уволилась. А эта дура всё защищает его да жалеет!

– Значит любит...

– Ха! Ну и любовь! Стул об него сломала.

– Как?!

– Пришёл Вовка домой пьяный, а Светка разозлилась, что зарплату пропил и отдубасила его стулом, – гордо изложила Светкин подвиг Иришка.

– Если б этот способ действовал, у нас в стране не было бы стульев. Это уж там, в Екатеринбурге?

– Ага. Как вот так можно беременность ходить? Родится какой-нибудь ненормальный.

– Постучи по дереву. Когда срок?

– Я по голове лучше постучу. В августе или сентябре. Последнее-то письмо в апреле было. Мать вся испереживалась. Вот трудно, что ли, два слова написать?! Я ей в мае звонила, она сказала, что Вовка ушёл с работы, а на другую ещё не устроился. Опять без денег сидят. Так в июне маман ей высылала.

– Да-да, у вас разговор только о Светке! – не могла больше слушать Яна, – мать вся в слезах, любимая дочь уехала. Ах, ах, какое горе. В двадцать – то с лишним лет можно бы и слезть с маменькиной шеи! Всю жизнь всё лучшее – Свете! А когда Света ноги вытирает о мамину голову, мать сразу обо мне вспоминает. Я в шестнадцать лет уехала в Москву с тридцатью рублями и жила на них два с половиной месяца. Лишилась подруги детства из-за этого. Вот когда я была, действительно, худенькая! Мать мне три рубля к Новому году один раз прислала и благополучно забыла, что я – её дочь. Ни звонков, ни денежных переводов. Чёрт!!! Лучше не вспоминать, а то я или Петровича по новой возненавижу или разрыдаюсь.

– Ян, ты не плачь, но мне всё расскажи, я же ничего этого не знаю.

– ВСЁ – немыслимо... – Вытирала внезапные слёзы застарелой обиды и горького сожаления Яна, – А как наши Таша с Сашей?

– Таша с Сашкой хорошо. Уж год не пишут ничего.

– И вам тоже?!

Близнецы Наташа и Александра были удивительно обособленными и самостоятельными девочками. Окончив местный техникум, уехали по распределению в одну из союзных республик и молниеносно забыли о всех ближайших родственниках.

– Да, у этих внуки будут – мы и не узнаем. Да собственно, – всё хорошо, и – хорошо!

Ирка погладила Яну по плечу, чмокнула в щёку и приготовилась внимать рассказу старшей сестры.

Яна покачала головой. Но Ирка, повиснув на руке, требовательно и выразительно посматривала на Яну. Да, расстаться с воспоминаниями не так-то просто.

– Петрович считал, что я мешаю их счастью, постоянно пилил мать из-за меня, устраивал скандал по любому поводу. Странно и смешно, но больше всего его бесило то, что я не ем суп. «Выкобениваюсь», по его словам. И не дай Бог, если мать мне что-то купит. Трагедия! И запой на неделю. Первые новые вещи мама мне купила в кредит, в девятом классе. Ты, возможно, по фотографиям помнишь – зимнее и осеннее пальто. «Носи аккуратно, следующее пальто тебе муж купит», – напутствовала меня мамуля. Она ошиблась – я сама заработала, но не в этом дело. Всё было тихо, пока отчим не увидел осенью на мне новое пальто. Ира, что тут было!!! Он ежедневно до самого отъезда мне высказывал, намекал, что я не заслуживаю, не достойна и ... – Яна прерывисто вздохнула, – привык, что я ношу обноски да школьную форму. А Светке никогда ни в чём не отказывали. Конечно, время другое, мода другая и прочее, прочее. Для любимого дитя всегда можно найти оправдание. Светку и сейчас пожалеют и оправдают, вернись она без всего и с ребёнком. Мать будет нянчиться, она ж не знает, что такое младенец. Меня её мама вынянчила, Светку – мать отчима, близняшек – ясли, а тебя – я. А Света «хвост» задерёт и только вы её и видели. Чудесно, если я ошибусь в своём прогнозе. Знаешь, что сделал ваш папенька? Залез в шкаф, когда дома никого не было, и разорвал пальто по швам. Мы обливались слезами с матерью, когда зашивали.

– А мать? Ничего ему не сказала?

– Говорила потом. Он выпучил глаза как рак и твердил одно: «не помню, не помню». А однажды заявил, что это я сама сделала, чтобы их посорить. Так что я считала не только часы – секунды до окончания школы.

– Так ты сразу уехала?

– На какие шиши?! Я зарабатывала – с матерью в ночные ходила.

– Почему в ночную смену? – хлюпала носом сердобольная Ирка.

– Платили больше. Тебе второй год шёл. Бабушка с тобой отказалась водиться. У неё Света – любимая и единственная внучка, до пяти лет на руках носила. Хотя ты вылитая мать отчима – просто копия. Вот такие пироги с котятками. Ждите, ждите свою любимицу. Подкинет она вам «игрушку».

– Так ей особо-то и не нужен ребёнок. Она расстраивалась, что все её одноклассницы замужем и у всех дети. Вот и ей надо.

– Чтоб всё как у всех, – подытожила Яна, – я тоже в девятнадцать боялась не успеть. Двадцатипятилетние казались стариками: дети, хлопоты, карьера. А вот мне скоро тридцать и жизнь, как страница черновика – одни перечёркивания. Начать бы с нынешним умом с начала...

– Вот, вот, – осуждающе кивала головой Ирка, – а ты-то не собираешься рожать?

– Собиралась «как все», да теперь передумала. Ребёнок не должен быть бегством от проблем. И – это чудовищная ответственность, а вдруг не справлюсь.

Яна не лукавила – она не чувствовала в себе желания быть матерью. Её пугали младенцы, а процесс разрешения от бремени вызывал панику. Ещё больше она опасалась не сумеет правильно и нормально воспитать своего ребёнка. А «правильно и нормально» в свете существующих в неоднородном постсоветском обществе многочисленных научных теорий сильно разнились.

Они подошли к мосту. Луна вновь осветила заснувшие улицы и, представшая перед сёстрами панорама, стоила того, чтобы постоять и полюбоваться.

– Смотри, – зачарованно прошептала Яна, перегнувшись через перила моста.

– Страшно? – оттаскивая сестру и, не глядя вниз, вопрошала Иришка.

– Величественно. Не пугайся – я не собираюсь прыгать, – и, обняв Иришку, она подвела её к перилам, – ты смотри на воду, но не вниз, а вдаль, на горизонт.

Лунные блики, прыгая по речным волнам, завораживали и притягивали взгляд. Вода напоминала масло; густая, жирная, тягучая. Справа чёрным бархатом расстился заливной луг, плавно переходящий в густые заросли ивы козьей. Слева – аккуратным куском мела белела средняя школа, окружённая кустами сирени и акации. Если б не назойливый писк комаров Яна простояла бы всю ночь у любимой речки, впитывая усталым сердцем забытые запахи и звуки. Для многих школа – просто учебное заведение, а для Яны с окончанием школы жизнь потеряла всякий смысл, она физически ощущала образовавшуюся пустоту и ненаполненность своего существования после окончания школы. Как будто повисла на стропах парашюта, зацепившись за ветки дерева. Было сложно найти и вновь почувствовать пульс жизни.

У Иришки же окружающий пейзаж не вызывал ликования: комары, влажный воздух, зачуханная луна, обычный, деревянный мост – ну что тут ИНТЕРЕСНОГО?! Она хотела сказать всё это вслух, но передумала, увидев странный блеск глаз и таинственную полуулыбку сестры.

– Голова кружится, – схитрила Иришка.

– Пойдём на другую сторону, – торопливо потащила Яна сестру, – какой вид! Готовые декорации к самым страшным сказкам

– Эт точно. А мы две ведьмы. О! А вот и Баба Яга летит, – вцепившись в сестру, притворно испугалась Ирка.

И правда, в причудливо изогнувшемся облаке можно было разглядеть ступу, косматую голову и поднятую вверх руку с метлой. Нагромождение облаков, низко парящих по небу, освещённых ущербной луной, давало пищу для бурной фантазии. Сёстры состязались в остроумии, пока яркий свет фар внезапно появившегося грузовика, не рассеял тьму и не спугнул сказку.

– Фу, напылил, – сморщилась Ирка.

– Сейчас пыль уляжется – домой пойдём.

– Спать? – разочарованно протянула Ирка.

– Да нет же! Ты джемпер наденешь, и мы ходим в противоположную сторону. Осмотрим новую школу. Для меня – новую, а для тебя – единственную. Я в этой училась, – Яна кивнула вниз, – а что в ней теперь?

– Дом Пионеров был. В позатом году было страшное наводнение, затопило весь первый этаж. Вроде ремонтировали... что теперь – неизвестно.

– И школу свою не навестишь. Хотелось бы в свой класс зайти... Ладно, идём, пока я не расклеилась.

– Я тебя полечу.

– Чем это?

– Стоит бутылочка, пойдём—ко выпьем, милочка, – дурашливо пропела Ирка.

– Конечно! Что нам ещё делать. Будем всю ночь пьянствовать. У тебя, когда практика начинается?

– Когда захочу!

– Отлично. Раз пошли грибы – будешь со мной в лес ходить. Может, хоть банки две замариную... Идёшь со мной купаться?

– Да сощёхоть! – передёрнулась Ирка.

– Ты на берегу постоишь, а я поплаваю. Малыш, ну согласишься...

– Здесь, что ли? – подалась на уговоры Ирка...

– Не, здесь низ-ззя. Во-первых, я без купальника, а во-вторых, место слишком многолюдное.

– Ага. Вон, кстати, какие-то мазурики идут.

Сёстры невольно замедлили шаг, напряжённо вглядываясь в идущих навстречу мужчин. Двое остановились на перекрёстке, закурили под фонарём, пожали друг другу руки, сошли на тротуар и исчезли в кустах.

– Во, как хорошо-то, мы уже и народ распугиваем....

– Да домой они пошли, зачем им к мосту-то.

– А вдруг они нас в кустах поджидают? – прикинулась испуганной Яна.

– Это у вас в Москве придурки по кустам сидят, а у нас нажрались, морды набили друг дружке, и по кроватям.

– Шучу я. Один – ноль в мою пользу. О! Не одни мы не спим.

Их обгонял велосипедист. В длинной домотканой рубаше, простеньких брюках и ослепительно белых кроссовках размеренно жал на педали сухонький старичок. Сёстры не прошли и двух метров, а велосипед уже маячил в начале главной улицы Царёвска. Единственный фонарь последний раз осветил огромную вязку сена, и дед растворился в темноте.

– И как только дедуля не надорвался? – всё ещё удивлялась Яна местной жизни.

– Своя ноша не тянет. А чего это он по ночам сено возит? – скорчила рожицу Ирка.

– Ворует потихоньку...

После развала Союза рухнувшая культура не стала сдерживающим фактором в стремлении россиян коллективно выжить в условиях рыночной экономики. Растащили всё по своим норкам и дворам, всё, что создавали общими усилиями не одно десятилетие. Ломать – не строить.

Но Яна с Ирой не интересовались политикой и социологией, поэтому тему расхищения бывшей социалистической собственности и воровства развивать не стали. Хихикая и неся око-лесицу, дошли сёстры до дома, и ввалились в «келью» одновременно.

– Отлично проветрилось. Я закрою, – направились Яна к окну.

– Напрасно. Там Саша внизу ждёт, хочется ему взглянуть, как ты будешь купальник наде-вать, – кривлялась Ирка.

– Ах ты, язва малолетняя! – швырнула Яна в Ирку подушкой.
– Ты хоть чё делаешь?! – завопила Ирка, вытаскивая подушку из ведра, – теперь сама будешь на ней спать. Да ладно, ладно, я пошутила, воды-то мало, она не намокла. Один – один.
– Что ж – квиты. Полотенце у тебя...
– Для дорогих гостей как хоть не иметь, – весело отозвалась Ирка.
– Я тебя серьёзно спрашиваю.
– А я тебе серьёзно и отвечаю. Вот это подойдёт? – сняла с верёвки рыжее махровое полотенце Ирка.
– Вполне. Вода ночью тёплая, а вот на суше, увы, после купания очень холодно.
– Так ты всё-таки собираешься купаться?!
– И долго, – Яна легонько щёлкнула по носу сестрёнку.
– Тогда выпьем, чтоб ты в реке не замёрзла. Вот тебе огурчик, – ловко орудовала приборами Иришка, – чокаться не будем и так нынче чокнутые.
Хлопнув по маленькой, они вновь переоделись и вышли на улицу. Полотенце цвета ядрёной ржавчины ярким пятнышком осталось висеть на стуле.

Иришка, истосковавшись по доверительному, свободному общению, засыпала Яну вопросами, наивными секретами и детскими анекдотами. Сёстры дошли до новой школы, свернули в какой-то переулочек, вышли к парку героев Великой Отечественной Войны, повернули к кладбищу и говорили, говорили, говорили.

Встреча

Они уже понимали друг друга с полуслова и Ирка, вздумавшая было обидеться на едкое замечание сестры, ответила тем же. Обе хохотали до слёз. То ли Иришка была не по возрасту развита, то ли Яна забыла о своих годах, но ближе подруг в этот час не было на всей земле.

Сёстры миновали освещённый вход «Скорой помощи» и чуть не растянулись во весь рост, оступившись в темноте.

– Повключали тут лампочек... беречь надо лепестричество.

– Точно, точно. Вот ведь богатеи нашлись: на улице ни одного фонаря, а у них как на Новый год везде свет горит, – напыщенно изрекала Иришка.

– Ир, секундочку подожди, кажется, мне камешек в туфлю залетел.

– Надо было сапоги надевать...

– Болотные, – прыснула Яна.

Подтрунивая друг над другом, сестры неспешно двигались вдоль больничного забора.

– Ой, а чего это у Соколовых свет горит, – оглядывая светящиеся окна пятистенного дома, всполошилась Иришка.

– А который час?

– А у меня хоть есть часы-то! Спросила у больного здоровье. Тише! – жестом остановила сестру Ира, – из дома кто-то вышел.

Долго гадать Ирке не пришлось, вышедший заговорил сам.

– Девчонки, гуляете что ли?

– А то не видно! Вадька, а чё ты-то не спишь? – узнала парня Иришка.

– А ты кто? – тщетно вглядывался в темноту заинтригованный Вадька.

– Дед Пихто, – не миндальничала Ирка.

– Ну, я сам подойду, раз вы остановились, – сделал пару шагов Вадька.

– Ладно уж, не ходи. Я – Иришка, неужто не узнал?! – чистосердечно призналась Ира.

– А-а-а, Иришка. Привет! Богатой будешь. А это кто с тобой?

– Ишь, любопытный. Скажи лучше скоко время?

– Так уж, чай, первый час. Спать, чай, пора, – рассудительно, слегка окая, по-стариковски отозвался Вадька.

– Вот ты и иди, чё не спишь-то?

– Гости у нас, вот час назад приехали. А я вышел посмотреть, не угнали ли машину. Вон она стоит, – указал он большим пальцем за спину.

– Да кому хоть нужна ваша машина?! Мы так точно не угоним. Иди, спи спокойно, – напутствовала земляка Иришка.

– Да уж, какой там сон. Они к матери, по делу, утром уезжают... А ты-то хоть с кем? – не унимался Вадька.

– У меня тоже гости. Вот, город показываю, – намекала Иришка сестре на недавний разговор.

– Откуда хоть у тебя-то гости... – с недоверчивой хрипотцой рассуждал Вадька.

– Ну, ты нахал!!! У меня-то сестра из Москвы приехала, а твои, небось, из соседней деревни, – горячилась Ирка.

– Ага, – простодушно согласился Вадька, – а, ВЫ, чё, правда, из Москвы?

– Правда, правда, малыш, – еле сдерживала смех Яна.

– Я там был в прошлом-то году – апельсины продавал. Больно мне в Москве-то не понравилось.

– Надо было, малыш, бананы продавать. А лучше на экскурсию приехать, может тогда и ничего – понравится, – сбилась на поучительный тон Яна.

– Не-а, теперь уж не поеду. Теперь здесь дело есть. Ладно, девчонки, пошёл я спать. Привет Москве. Счастливо Вам, – почтительно попрощался с Яной земляк и, покачиваясь, побрёл к воротам.

– Спасибо, – проскандировали сёстры и, зажимая рты, чтоб не расхохотаться на всю улицу, резво припустили от Вадькиного дома.

– Уф! Уже не слышит. Он твой одноклассник?

– Нет, он старше на два года, то есть на два класса. Такой скромняга – из него слова не вытянешь, а тут разговорился. Видать, спьяну.

– Вроде трезвый был, – не поняла из-за расстояния Яна.

– Нет! Он трезвый с девчонками не разговаривает. Поддатый Вадька был... Ой! Ты ему «малыш, малыш», совсем парня засмутила. Я чуть от смеха не лопнула. Что это за слово?

– Слово как слово. Ты права, в данном случае оно – «паразит». Одно время я к месту и не к месту «успокойся» вставляла – народ зверел. Но у меня хоть известные слова, а вот наше местное «дак чё» вместо «ну и что», кого хочешь до белого каления доведёт. Диалект.

– Понятно. Я, наверное, заражусь. Давай обратно пойдём, я боюсь к кладбищу идти, – пыталась разглядеть что-то в кладбищенской тьме Иришка.

– До него ещё далеко.

– Старое-то рядом, а там – морг! Ой! А эти, откуда взялись?! – Ирка замерла, забыв закрыть рот.

Две шатающиеся фигуры выросли на обочине дороги как из-под земли. На фоне сияющей, появившейся вновь Луны они напоминали кота Базилио и лису Алису, копошащихся на поле чудес.

– Во, из морга сбежали. Свеженькие. Пойдём, Ириш, рассмотрим, – шаловливо предложила Яна.

– Быстро. Быстро поворачивай! Я дальше не пойду! Ой! Щас орать начну, – струхнула Ирка.

– Покойников перепугаешь. А нам нужно сделать вид, что мы не боимся живых. Выше нос! – резонно рассуждала Яна.

– А мы и не будем показывать. Просто нам пора обратно.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, они крепко сцепили руки и строевым шагом прошли мимо Вадькиного дома, чутко прислушиваясь к звукам за спиной. Их явно хотели догнать.

– Иришка, мы с тобой сделаем финт ушами. Доходим до «скорой», якобы идём прямо, но на самом деле резко поворачиваем направо. Спокойно, Маша, я Дубровский, – насмеялась над Иришкиными страхами Яна.

– Не смей меня, мне и так жутко.

– С полочки тазик купим, – вспомнила выражение из школьных лет Яна, – перестань трястись. У меня есть газовый баллончик. На, взгляни. Я его буду держать в правой руке, если они увяжутся за нами, то спать им придётся на асфальте. И-и, раз!

Манёвр удался: фигуры, разогнавшись, и не ожидая подвоха, по инерции прошли несколько метров вперёд и остановились, совещаясь.

Ирка, наклонившись к плечу сестры, скосила глаза в сторону «покойничков», и взволнованно комментировала: – Они стоят, разговаривают... руками машут... щас привяжутся! Ой, чует моё сердечко – привяжутся! Говорила тебе – идём быстрее! Ой, ой, сюда идут... ну всё, – упавшим голосом оборвала себя Ирка.

– Девчонки, а вы куда собрались? – заплетающимся языком интересовались догонявшие.

– Мы купаться идём! – задорно крикнула Яна, за что тут же получила увесистый тумак от Ирки. – Молчи. И не останавливайся.

– Чего ты боишься? Мы в родном городе, пардон, посёлке. Всё знакомо. Все закоулки знаем. Умеем быстро бегать. Трусиха ты моя – хулиганы так себя не ведут.

Фигуры, между тем, торопливо приближались.

– Девчонки, мы с вами? Купаться. Возьмите нас с собой... вот товарищ пять лет не был в родных краях – возьмите его одного... Ему срочно надо искупаться, – старательно разделяя слова, говорил тот, что пониже, поддерживая «товарища».

Яна с любопытством разглядывала Штепселя с Тарапунькой. Стройный, высокий, «джинсовый» блондин был полной противоположностью другому – крепенькому, строгому брюнету в штанах, похожих на тренировочные, полосатой тёмной рубашке и непонятного цвета ветровке.

– Мы вроде не на море, а вашего друга штормит. Может, ему лучше домой? – дружелюбно начала беседу Яна.

– Нет. Просто он сегодня приехал, ну мы и отметили немного. Он пять лет дома не был – надо было за проезд, – отозвался брюнет.

– Может быть ВЫ – немного, а ОН – изрядно. Пока, мальчики. Нам пора. Вы убедились, что мы вам не подходим по возрасту и гуляйте дальше, – помахала Яна ручкой, делая большой шаг в сторону.

Покачивающийся блондин неожиданно встрепенулся, одновременно раскрыв глаза и рот.

– Нет, девчонки, так нельз-з-з-я! Без нас нельзя! Вы, правда, что ли, купаться идёте?

– Очень надо нам врать! Я пять лет в родной речке не плавала, а ночью так все десять. Пока, – прощалась Яна, увлекаемая Иришкой.

– Чё ты с ними разговариваешь? – шипела коброй Ирка, прибавляя шаг.

– Врага надо знать в лицо, – беспечно смеялась Яна.

– Нет, нет! Подождите, – не отставали «эстрадники».

– Я так и знала! – продолжала копировать змею Ирка.

– Это я здесь пять лет не был, – невнятно лопотал блондин, – но вот сегодня приехал. Вечером.

– А я днём.

– Что?! ВЫ серьёзно СЕГОДНЯ приехали?

– А что, поезда ходят только для вас? – продолжала изучать блондинчика Яна.

– Извините. Можно мы вас до речки проводим?

– Ира, ты не возражаешь против такого почётного сопровождения? – обернулась Яна к сестре и... – Ой, ой, не падайте! – вцепилась в рукав курки повалившегося назад собеседника, – Вас поддержать?

– Буду признателен, – очаровательно улыбнулся блондин.

– Идёмте, дороги-то всем хватит, – бурчала Ирка, недовольная попутчиками.

– А за баней плотик ещё существует? – обратилась Яна к Ирке, но ответил брюнет.

– Цел. С него нырять хорошо.

– Вот там и поплаваем. Нырять я не собираюсь – спасти некому, – косясь на «танцующего» кавалера, намекала Яна.

– Так ВЫ утверждаете, что приехали сегодня? – заговорщически вполголоса интересовался блондин

– Да, днём, – кивнула, готовая поприкалываться, Яна.

– Откуда? – занервничал провожатый

– Из Москвы.

– Нет, это я сегодня приехал, – пытался грозить пальцем блондин.

– Может, мы даже ехали в одном поезде?

– Не-не, я на электричке. А потом на автобусе. Еле успел на последний...

– Мне повезло больше, мой отходил в одиннадцать утра.

– Но я приехал из Йошкар-Олы сегодня!!! – тоном избалованного ребёнка отозвался блондин.

Не сдерживаясь, Ирка хохотала от души. Яна же из последних сил пыталась быть серьёзной.

– Допустим, не сегодня, а вчера.

Блондин резко затормозил, отчего сопровождающие столкнулись лбами, и сосредоточенно стал рассматривать циферблат часов, держа руку на уровне пупка. Ирка с брюнетом потирали лбы и, не стесняясь, разглядывали друг друга.

– Зрение у вас кошачье, может фонарь поднести? – язвила Яна, окончательно убедившись, что блондин не опасен.

– погоди, а в каком году ты школу закончила?

– А может, лучше с года рождения начнём? – колко отозвалась Яна, ненавидящая вопросы о возрасте и семейном положении.

– Пожалуйста, – пропустил мимо ушей её сарказм блондин, – так в каком году ты школу закончила? – настаивал приезжий.

– В год Олимпиады...

– Ты в «а» или в «б»? – взволнованно перебил её блондин.

– Что? – окончательно сбита с мысли, не соображала Яна.

– Ну, в каком классе? По буквам? Буква, какая? У каждого класса... – нервничал блондин.

– Конечно в «б»! Как можно быть «ашкой»?! Только в «б» учились самые замечательные люди... – по обыкновению тараторила Яна.

– А я в «а».

– Вам не повезло! ЧТО?!

Теперь резко остановилась Яна. Весёлая компания подошла к перекрёстку, залитому тёплым жёлтым светом большого фонаря. «Едва избавилась от Саши как опять знакомые лица», – недовольно хмурилась Яна, пристально вглядываясь в обладателя джинсового костюма, и не находила в его лице ничего знакомого. Яна покачала отрицательно головой и неуверенно протянула: – Вас не помню.

Неподдельное горе отразилось на симпатичной мордашке. Яне стало жаль, что она огорчила такого милого человека.

– Так ты меня совсем не помнишь?! – разочарованно выдохнул блондин.

– Увы. Вас я не помню, – ласково, как ребёнка, заверила его Яна.

– Давай на «ты». Скажи, кого ты помнишь? – всё более и более волновался блондин.

– Сейчас соображу... слушай, ты как снег на голову! Своих – то я всех помню, и узнала бы сразу (ха! ха! ха!). Так-так, секундочку... да! У вас была очень примечательная девочка, прямо настоящая Дюймовочка: глазки ярко-синие, коса до колен, такая яркая комсомолка... по-моему, её звали Мария...

– Да. Была такая. А ещё кого помнишь? – гипнотизировал взглядом Яну блондин.

И они, вообразив, что совершенно одни на белом свете, начали перебирать фамилии, клички, имена, широко размахивая руками и изображая одноклассников каждый по-своему.

Ирка, видя, что она забыта, решила улизнуть, но брюнет остановил её, и они, тихо переговариваясь, наблюдали за представлением.

– Вроде я тебя видел раньше-то... На дискотеки ходишь?

– Дак, (диалекты неистребимы) как хоть не видеть! Живу я здесь. И на дискотеки хожу, и в кино, и в баню...

– И учишься в девятом классе?

– Нет, в мед.

– А! Теперь я тебя вспомнил! Ты Светланкина сестра, верно?

– Слава Богу! Осенило тебя, Миша.

– Оказывается, мы знакомы. Хорошо. Гляди, щас наши познакомятся – уже руки жмут.

Ты куришь?

– Боже упаси! – передёрнулась Ирка.

– А у нас спички одни на двоих. Придётся нам эту парочку потревожить, а то они до утра будут семафорить. Пойдём, послушаем.

– Иришка! Ты представляешь?! Это чудо училось вместе со мной! В другом классе, правда. И я его не помню, – забыв все правила русского языка, делилась Яна нечаянной радостью с сестрой.

– Так я в девятом в вашу школу пришёл, – негромко подсказал одноклассник.

– С этого и надо было начинать! Знакомьтесь – сестра моя, славный ребёнок, – акцентировала последнее слово и пристально посмотрела Яна на брюнета, – а это – Дмитрий.

Дима поклонился Иришке, которая от чрезмерной стеснительности скорчила невообразимую гримасу и спряталась за сестру.

– Вы не передумали купаться? – галантно предложил Яне руку Дмитрий.

– Ни в коем случае! А ты что, струсил?

Димка замялся с ответом. Асфальт между тем кончился и, едва заметная в густой траве тропиночка, витиевато спускалась к реке.

– Давай, бегом, – Яна потянула упирающегося Диму за собой, – передвигай ноги! Хоть чуточку побыстрее, – торопилась Яна.

– Не могу, – сонно промямлил Дмитрий.

– Ах, так! Лентяй несчастный! – и она изо всех сил дёрнула его за полу куртки.

Кубарем скатились они с горы и, не сговариваясь, лихо промчались по узкой песчаной косе, прохлопали шаткими досками по чёрной воде и, возбуждённые, остановились на плотике, ошалело вглядываясь в когда-то знакомые глаза.

– Сейчас искупаешься, будешь трезвеньким, может, и разговоришься, – осторожно отодвигалась Яна, упираясь ладонями в Димкину грудь.

– Я не пьян, – не отпускал сомкнутых рук с тонкой талии Дмитрий.

– Угу, это плотик качается, а ты как стойкий оловянный солдатик. Не оправдывайся, я тебе не жена. Кстати, а как зовут твоего друга? – поспешила она сменить тему.

– Я не сказал? Он на класс ниже нас учился. Мишка Мазаев. Мазай, одним словом. Не помнишь?

– Наверно, нет, – задумчиво опустив уголки губ, покачала головой Яна и вдруг ощутила под пальцами лёгкую дрожь: «Что с тобой? Хмель выходит?» И густо покраснела, кляня себя за несдержанность.

– Как вода? Эй, на плоту? Вы там заснули, что ли? – выручили её, подошедшие степенно, как пенсионеры, Мишка с Иришкой.

Дима подошёл к краю плотика, присел на корточки и, опустив руку в воду, бодро возвестил: «Я думал хуже. Можно искупаться».

Миша прошёл на плот, а Иришка осторожно шла по широкой доске.

– Ой, ой! Пожалуйста, не ходите дальше! – закричала Яна, не зная, куда бежать от подступившей воды

Плотик тонул. А Дима её спасал.

– Немедленно отпусти меня, – неуверенно попросила Яна, глядя вниз.

– А то, что? – жарко шепнул он в ухо.

– Если мы свалимся в воду – сушиться негде, – благоразумие брало вверх.

– Разведём костёр, – обольстительно, с «ямочками» улыбался Дима.

– Нет, малыш, костёр в следующий раз, – обретая былую твёрдость под ногами, без задней мысли ляпнула Яна.

Обувь решили оставить на берегу, а одежду повесить на перекладину плота. Иришка категорически отказалась купаться и с содроганием смотрела на обнажающиеся тела. Миша разделся как по команде, и с разбега «рыбкой» вошёл в воду.

– Ты тоже нырнёшь? – кралась за Яной Ирка.

– Если б у меня была лысина, то непременно, – подойдя к краю плотика, Яна коснулась ногой воды, – Дим, а ты согласен махнуть до того берега и обратно? Бог мой! Он ещё раздеться не может. А-а-а!!!

Коварная Иришка всё-таки выбрала момент и столкнула сестру в воду.

– Ирка, ты обалдела! Фу, моя коса. Ну, моська вредная, погоди, – беззлобно ругалась она на Ирку, поглядывая на вышедшего из-за ветлы белоснежного Димку. «Сейчас нырнёт, как Саша, надо отплыть подальше». Яна перевернулась на живот и нежные, тёплые объятия ночной реки захватили и понесли её, смывая заботы и напряжение долгого, насыщенного событиями дня.

Плотик стоял на приколе у изгиба реки и, отплыв немного по течению, можно было видеть на одном берегу огороды, парк, трубы котельной, а на другом – бескрайний луг. Этот другой они в детстве называли «коровым», потому что всё лето на нём пасли стадо из близлежащей деревни. «Хорошо – коров нет. И моторок», – вспомнила Яна небезопасные шалости. «А где же мой одноклассник?». «Встала», вытянув шею, вглядываясь до боли в глазах в речную гладь. На плоту вырисовывалось развешенное барахло, якобы охраняемое Иришкой, но Димы не было ни на плоту, ни в воде.

– Во, дела! А где наш «дельфин»? Ира, он под плотик спрятался?

– Он уже искупался, – сложив руки рупором, отозвалась громким шёпотом Ирка, – на берегу одевается.

– Водолаз! – фыркнула Яна, сажёнками догоняя далеко уплывшего Мишу, – Мишаня, ты ж рвался друга искупать, а сам бросил его на Иркино попечение...

– Догоняй!

– Издеваешься над старой, больной, слабой женщиной, – легко приняла предложение Яна.

«Во, разоралась. Щас всех перебудит. Утка в яблоках!» – качала осуждающе головой рассудительная Иришка.

– А ты чего не стала купаться? – стуча зубами, подошёл к ней Димка.

– Дык, у меня, поди, все дома, – буркнула насторожённая Иришка.

– А мы, что, сбрендили? – опешил Дмитрий.

– Вам виднее... Ну, куда вот они поплыли? Реки что ли мало; гонки устроили, – поджала и без того тонкие губы Ирка, что было выражением крайнего неодобрения.

– Уф! Ты как торпеда... разве... тебя догонишь, – отфыркивалась Яна.

– А ты неплохо плаваешь.

– Спасибо. Я просто соскучилась по нашей речке.

– А ты, взаправду, сегодня приехала?

– Вчера. Сегодня кончилось ещё час назад.

– Как это?

– Не смей меня, а то я захлебнусь...

– А! Понял. Ты знаешь Сашу Долгорукова?

– Не-а.

– А Костю Воробьёва? – не сбавлял темп Михаил.

– Не-а. Это твои одноклассники?

– Да.

– Я только Вову Серебрякова знаю. Мы с ним Рождество в восьмом классе встречали. Фу, давай снизим скорость. Это я была в восьмом, а вы в седьмом. Всю ночь гадали, не вдвоём, конечно, компания большая и тёплая собралась, но к утру нас осталось трое. В живых. Моя подружка, Володька и я пошли проветриться. Ёлку, помнишь, ставили на площади? Ну вот, забрались мы на эту ёлку. Ждём-с. Идут бабули в церковь. Ты бы видел эту живописную картину! Идёт спокойненько старушечка молиться. Подходит к пушистой ёлочке, ярко сияющей двумя крашеными лампочками, оглядывает её, проходит мимо, и вдруг слышит страшный голос: «Бабася, ты куда?» Тишина. Темнота. Скрип снега. И вдруг голос! Бедная бабушка крестится и трусцой удаляется от ёлки.

– Да уж похохмить Вовка мастер.

– А этот шут гороховый кричит вдогонку: «А жалуются, что плохо ходят. Ха-ха-ха!» Через час мы как шишки свалились... фу, тебе вода в рот не попадает, когда дождь идёт? – перевернулась на спину Яна.

– Нет, – не понял её шутки Миша.

– Да это анекдот такой, про обезьян.

– Вовка женился на твоей однокласснице.

– На ком это?!

– На Ольге.

– Да ты что!!!

– Он за ней, знаешь, сколько бегал, – степенно продолжал Сашка.

– Когда?

– А как из Армии вернулся. Она с мужем развелась и сюда приехала.

– Так сейчас они вместе?

– Да, но не расписаны.

– И это правильно, – спародировала Яна крылатое выражение бывшего генсека, – а мы с тобой к озеру направляемся?

– Давай обратно, – охотно согласился Миша, – накупалась?

– Не-а.

– Ну, ты рыба! – не был одинок в оценке Миша.

– Свежемороженая. Теперь ты догоняй! – ловко развернувшись, она опередила Мишку.

Выглянувшая из-за тучи луна осветила соревнующихся, превратив мириады брызг в ослепительной красоты бриллианты, сыпавшиеся крупными каплями на грифельную поверхность реки. Зачарованная, любовалась Яна волшебным фейерверком, ощущая телом мерное течение реки.

– Руку дать? – прервал романтические раздумья Дима.

– Можно две, – подплыла Яна к плотнику. Через мгновение они стояли рядом.

– Тебе не холодно? – вытирала крупные капли с плеч Яна.

– А я переоделся.

– А где...

Димка ткнул пальцем в оттопыренный верхний карман.

– У меня нет такого большого кармана.

– Второй свободен. Я говорю тебе, как доктор – не надо ходить в мокром купальнике.

– Боже. Впервые за сутки слышу разумную речь. И куда? – сгребая одежду с перекладины и, не глядя на Димку, шлёпала она по плотнику.

– Вон, за ту ветлу, – указал влево от плотника понятливый доктор.

– Меня подождите, – в спину удаляющимся Ире с Мишей просила Яна.

– Я замёрзла стоять. Мы по берегу чуть-чуть прогуляемся. Догоните? – капризно-обиженно отозвалась Иришка.

– Догоним. Не волнуйся, – за неё и ей же ответил Дима.

– Ты ж со мной, чего мне волноваться, – стуча зубами, стаскивала с себя мокрый купальник Яна, – ты тоже замёрз?

– С чего ты взяла? Просто я в этом году первый раз купался, а долго сразу – нельзя.

– За какой орган ты боишься?

– За все.

– Значит, больше по ночам не купаешься? – накинула парку Яна, – я не хочу тебя лечить.

– Я не простужусь, – вновь закурил Димка.

– Ловлю на слове. Где мой карман? – деловито осведомилась она. – Ты смотри, ещё место осталось. Бежим? – рванулась было вверх Яна, но Дима не трогался с места. Попытки сдвинуть «истукана» были тщетны.

– Димуля! Переступай хоть чуток. И хватит курить, весь дым на меня.

Дима послушно выбросил сигарету и сделал вид, что падает.

– Ой, ой, я тебя не удержу! – бросилась она на помощь, но, разгадав его хитрость, разрешила:

– Падай.

– Только с тобой, – присел он на корточки, лукаво улыбаясь

– Димка, дай спички, – потребовал из темноты Мишкин голос.

– Ага! – возликовала Яна, не желавшая сегодня быть старше всех, – сам пойдёшь!

– Вместе, – нежно обнимая Яну за плечи, твёрдо сказал Димка.

Ёкнуло сердце, пытаясь выпрыгнуть, но не смогло, и ухнуло куда-то вниз, вызвав лёгкое головокружение, и Яне вдруг расхотелось прикалываться, шутить, что-то спрашивать или рассуждать на» вечные» темы. На душе было легко и НЕОБЫЧАЙНО СПОКОЙНО.

Будто вернулась домой. К давно забытому детскому ощущению тепла, уюта и защищённости. Яна отметила своё внутренне состояние и, боясь потерять шаткое равновесие внезапно присмиривших многочисленных противоположностей, намешанных в ней, тихо замерла, решая себе принять Димкину заботу.

Верь мне

- Пойдём на скамеечку, – предложил Мишка.
- А кто устал? – исподволь взглянула Яна на Диму.
- Я! Мы же с тобой столько исколесили! А на плотике?! Вы-то купались, а я же стояла, – канючила Иришка.
- Хорошо, малыш, не плачь, я куплю тебе калач. Вперёд, аборигены!
- Ах, ты!!! Обзывать! – Ирка подняла с земли ветку и с грозным видом направилась к сестре.
- Спасай! – засмеялась Яна, прячась за Димку.
- Сёстры закружились вокруг нетвёрдо стоящего Димы, подзадоривая друг друга. Дима послушно крутился в разные стороны.
- Ирка! Это же крапива!
- Да со щё хоть! А ведь и точно, – осторожно потрогала листик Ира, – жжётся.
- Снисходительно улыбаясь, Мишка отобрал у Ирки ветку и молча закинул в заросли малины.
- Ты не боишься крапивы?! – в унисон воскликнули сёстры.
- Она старая, слабая уже.
- Не скажи, у меня вон какой ожог, – ощупывая тыльную сторону ладони, возразила Яна.
- Это вы, городские, нежные, а я привычный. Для поросят я всегда рву голыми руками.
- Пошли, что ли, здесь, – кивнул он в сторону берега, сжимая трудовыми ладонями Иркины лапки, поскольку последняя всё ещё порывалась броситься за крапивной веткой.
- Ребята, давайте напрямик, а то Иришка сейчас рухнет.

Парк, по-местному, горсад, был одной из главных достопримечательностей Царёвска. Здесь проходили все местные праздники посёлка: с концертами самодеятельных коллективов на летней эстраде, выездной торговлей с пирогами на лотках, с пивом из бочек, и самыми привлекательными для детворы – водными аттракционами. Здесь же, в горсаду, был самый лучший во всём посёлке песчаный пляж, прокат лодок, водных велосипедов и летняя танц-площадка, за которой простирались непроходимые заросли малины и смородины. Ягоды, те, что успевали вызреть, были крупные и сладкие. Иголки смолистых сосен щедро усыпали аллеи парка. Никакой персидский ковёр не мог бы сравниться по упругости с этим естественным покрытием, утрамбовывавшимся десятилетиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.